

КРАСНЫЕ
ЛУНЫ
КВЕРТИНДА

МЕНТОР ЧЕРНОГО ПАУКА
ОРДЕН КРОНА. БАНДА ИЗГОВЕВ

МЕНТОР
ЧЕРНОГО
ПАУКА

НИНА МАЛКИНА

МОСКВА
2023

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М19

Иллюстрация на переплете EKinveyI

Дизайн обложки *Кати Петровой*

Малкина, Нина.
М19 Ментор черного паука / Нина Малкина. — Москва : Эксмо, 2023. — 624 с.

ISBN 978-5-04-173744-3

Королевство Квертинд окутала тьма. Темное стало светлым, а светлое — тьмой.

У меня были надежды на будущее, но моя жизнь также рухнула в одночасье.

Я знаю, кого винить — безжалостного Черного Консула Кирмоса лин де Блайта, который совсем скоро должен стать королем. Под его темным владычеством страна погрузится в хаос, захлебнется в крови и насилии.

Но я не допущу этого. Моя цель ясна, оружие заточено, а сердце не знает пощады. Пусть мой путь окажется долгим и сложенным, пусть я столкнусь с тем, чему нет названия и определения, я сделаю то, что решила.

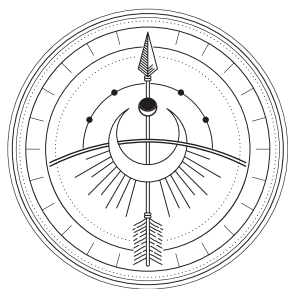
Виновные будут наказаны, а мертвые упокоятся, отмщенны.

Я Юна Горст. И я ничего не боюсь.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-173744-3

© Малкина Н., текст, 2023
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

ПРОЛОГ

Капли с неба начали падать на двадцать восьмой ступени пути к Преторию.

Йоллу, лу-лу, спрятал пергаментный свёрток под свой бархатный камзол. О, что это был за камзол! Настоящая форма служащих Претория, расшитая золочёной нитью и украшенная булавкой с весами — символом главного консульства. Мягкая бордовая ткань всегда благородно лоснилась на утреннем солнце, но именно сегодня мгновенно покрылась мокрыми крапинками. Йоллу возмущённо зафыркал: он не был уверен, что его чудесная одежда должна спасать свёрток от дождя, а не наоборот. Но расстраивать хозяина не хотелось. Великий Консул и так часто расстраивался в последнее время, лу-лу.

Утром хозяин попросил принести мятного масла, чтобы облегчить видения, и Йоллу был вынужден снова идти к сморщенному аптекарю. Этот алхимик поглядывал на серьёзного рудвика свысока, даже надевал на нос маленькие стёкла, как будто Йоллу мог от этого вырасти. Чепуха на постном масле, лу-лу! Рудвики всегда оставались маленькими — в половину человеческого роста. И удивительно круглыми. Потому что все необходимые для жизни органы у них помещались в одном огромном животе.

На тридцать пятой ступени у Йоллу зачесалось ухо. Такое же прекрасное, как и живот, пушистое, треугольное, с кисточкой на конце. Роскошное ухо, лу-лу! Одно из двух. Настоящее украшение, из-за которого лишённые шерсти люди страшно завидовали мохнатой расе.

Когда-то давным-давно рудвики практически вымерли. Маленький безобидный народец не мог противостоять чудовищам, болезням и войнам, поглотившим мир в тёмные времена. Но Тибр Иверийский — основатель династии правителей королевства Квертинда — позволил рудвикам жить в человеческом мире и поль-

зоваться их милостью. С семьдесят восьмой ступени Йоллу, лу-лу, как раз мог разглядеть его статую. Огромный каменный Тибр утопал в округлом эркере там, где кончались ступени. На мраморной голове красовался простой тонкий обруч, исписанный символами. В одной руке правитель держал копьё, в другой — прозрачный шар.

Никто не помнил точно, что Тибр Иверийский должен был показывать горожанам и путешественникам, но Йоллу, лу-лу, всегда по-своему понимал молчаливого короля. Он как будто говорил: «Видишь, Йоллу, большая палка так же важна, как и маленький пузырь, лу-лу». И Тибр не обманывал. Рудвики всегда распознавали обман и иллюзии.

На девяносто пятой ступени рудвика нагнал один из консулов Претория — Его Милость Гвелейд Дилз. В отличие от Йоллу, лу-лу, Гвелейд Дилз был человеком. Как говорил хозяин, очень дипломатичным. Йоллу подумал, что это всё из-за его прекрасной шапки. Маленькая, круглая, она походила больше на аппетитный блинчик, надетый на лысеющую голову. В шапках Йоллу понимал не меньше, чем в большой дипломатии. То есть очень много, лу-лу. Да и сам консул был прелесть как хорош: немногим выше рудвика, с таким же красивым, большим и круглым животом.

— А-а, Йоллу! — воскликнул консул. — Как чудесно, что я тебя встретил!

Йоллу тоже обрадовался встрече, охотно закивал в знак приветствия и приготовился слушать. Это была его обязанность — слушать и передавать хозяину.

— Ты непременно должен передать Его Милости Камлену, что внешняя политика требует безотлагательного вмешательства, — продолжал Гвелейд, торопливо поднимая полы бордовой мантии и поспевая за шагом рудвика. — Да-да, непременно! У меня есть сведения, что Веллапольское княжество планирует военную кампанию. Хотят вернуть земли Галиофа! Они так и не простили нам это завоевание. Я отбываю туда завтра, с торговой шхуной. Такая спешка мне уже не по летам, но я верен королевству Квертинда до последнего вздоха! — Консул смахнул влажные капли с блестящего лба. — Необходимо убедить веллапольцев начать переговоры и пригласить с официальным визитом. В нашей нынешней ситуации мы не можем позволить себе войну, друг мой, никак не можем.

Консул Дилз остановился, перевёл дыхание и обернулся.

За каскадом ступеней, внизу, просыпалась и шумела столица, наполняя улицы и мосты ещё сонными людьми.

— Ваше обращение принято, — уведомил Йоллу, в знак почтения задержавшись рядом с приятным мужчиной.

Оба служителя Претория уже преодолели лестницу и теперь стояли на самом верху, у ног статуи первого короля Квертинда. Менее важные верноподданные мельтешили у подножия ступенчатого пьедестала, прибавляя рудвику ещё больше самодовольства.

— Мы стоим на последней ступени, — мудро заключил консул и взгляделся в белокаменные резные здания таким взглядом, каким, бывало, хозяин смотрел в будущее. Но быстро отвлекся, чтобы потрепать Йоллу за ухо. От зависти, конечно.

— Да, — снисходительно согласился пушистый секретарь.

— А ты знаешь, почему их сто двенадцать, Йоллу? — уже весело спросил Гвелейд Дилз.

— Так построили строители, лу-лу.

Консул улыбнулся.

— Сто двенадцать ступеней — ровно по числу страшных лет грабежей, бесчинств и увядания нашего королевства. Мы проделали долгий путь. Долгий путь — к Тибру, закону и справедливости, — его милость указал на статую, утопленную в здании Претория. — Боюсь, всё это может повториться. Тёмные времена нынче настали, Йоллу, снова тёмные. Без правителя Квертинд катится прямо в пекло Толмунда.

Йоллу знал Толмунда. Кровавый бог, покровитель страшной магии и мучитель душ. К нему в пекло не хотелось, лу-лу. Даже упоминать его было страшно. Перед глазами сразу же возникали реки огня, стоны грешников и кровавые моря. Немедленно потянуло спрятаться за высокими мраморными стенами Претория, в которых никогда не бывало жарко.

— Я передам всё важное! — брякнул рудвик и трусливо посетил к входу, ныряя под светлую арку.

Гвелейд Дилз только и успел бросить вслед короткое прощание.

Преторий успокоил Йоллу привычной прохладой и мягким светом. Внутри суетливо сновали служащие в бордовой одежде с неременной застёжкой в виде весов, толпились посетители, шелестели пергаменты. От утренней возни рудвик расслабился и легко забыл о пекле.

Важный маленький служитель миновал зал ожидания, подошёл к охранной арке и проверил свой отличительный знак кон-

сульства. Брошка-весы оказалась на месте, и рудвик смело шагнул под магический свод. Позолоченная булавка нагрелась и на миг вспыхнула оранжевым светом. Крохотный отблеск от брошки стал резко расти и расширяться, окутывая приземистое пушистое тело. Как только световая оболочка замкнулась, она мгновенно исчезла. Йоолу при этом ничего не почувствовал, лу-лу. Это была охранная магия, позволяющая заходить в Преторий без приглашения только его служащим. Весьма значительным представителям правитель-ства, каким был и сам Йоолу. Лу-лу.

— Добро пожаловать в Преторий! — с белозубой улыбкой отчеканила девушка в таком же бордовом камзоле, какой был на самом Йоолу. — До совета консульства осталось сто семь дней, пять часов и три минуты.

«Странная у неё работа», — в очередной раз подумалось Йоолу. Некоторые посмеивались над рудвиком из-за того, что он всего лишь посыльный, выполняющий мелкие поручения. Но это работа, которую должен был кто-то выполнять. А улыбчивая барышня просто стоит у входа и говорит то, что и так знает каждый служащий Претория. Не работа, а белиберда на пустом бульоне, лу-лу.

С такими мыслями рудвик бойко миновал большой и шумный внутренний холл, прошёл мимо Зала Верховного Совета Претория, прошлёпал вдоль колонной аркады и устремился в глубь консульства — туда, где обитал главный здесь человек.

У высокой двери Йоолу огляделся, поглаживая свёрток с лекар-ствами, и привычно дёрнул золочёную ручку. Тихонько юркнул в кабинет Великого консула и молчаливой тенью застыл у входа.

У Камлена был посетитель. Йоолу сначала даже возмутился, лу-лу, что кто-то посмел войти без его личного ведома, но решил не вмешиваться в беседу.

Гости у хозяина бывали редко. Если не сказать — почти никогда. Для всех бесед существовал Йоолу, рудвик-секретарь Его Милости. Как и для остальных человеческих нужд. Великий консул Камлен Видящий уже давно не покидал своего кабинета, в котором жил последние несколько лет.

Кабинет служил Камлену и спальней, и умывальней, и цирюль-ней, и даже иногда курительной. Отчего вид имел соответству-ющий: бордовые портьеры на окнах едва пропускали утренний свет, тяжёлая люстра покрылась слоем пыли, а золочёные короны на высоких карнизах потускнели и облупились. На резных столи-

ках и тумбах возвышались горы канцелярского хлама вперемешку с бытовой утварью, а по углам ютилась паутина.

Те счастливики, которым всё-таки удалось попасть к Камлену лично, обычно брезгливо морщились и даже позволяли себе отчитывать Йоллу за бесхозяйственность, но рудвик знал, что это всё пустяки на кислой бражке, лу-лу!

Затевая уборку, Йоллу чувствовал, что рождён для большего, поэтому особенно не утруждался. Тем более что хозяин давно ослеп и никогда не попрекал Йоллу беспорядком. Для Великого консула Камлена Видящего было важно только одно: чтение. Престарелый прорицатель нежно любил книги и собирал их в своём жилом уголке Претория с особым рвением. Оттого до самого потолка по всем кабинетным стенам тянулись шкафы, забитые тугими свёртками и древними фолиантами.

С тех пор как Великий Консул перестал различать буквы, чтением ведал Йоллу. Пушистый секретарь декламировал хозяину важные донесения, документальные сведения, великие истории, но в последнее время Камлен всё больше предпочитал сказки.

О, шкаф со сказками был любимым у Йоллу, лу-лу! Во-первых, в детских историях всё всегда непременно заканчивалось хорошо, а рудвик любил, когда всё хорошо. А во-вторых, шкаф со сказками таил секретик.

Рудвик сдавленно чихнул и переступил лапами, царапая коготками и без того повреждённый паркет. Кабинет Великого консула для Йоллу был таким же домом, как и для самого Камлена, оттого рудвик знал здесь каждый уголок как свои четыре подушечки на мохнатой лапе.

Сейчас же привычный порядок вещей нарушал посетитель. Он сидел в потёртом кресле напротив хозяина, обнажённый до пояса, и не сводил со старика жёсткого взгляда. Одежда мужчины лежала рядом на полу. Йоллу сразу смекнул, что это значит: ещё один решил испытать судьбу королевским артефактом.

Мужчина коротко мазнул взглядом по рудвику и отвернулся.

Некрасивый был человек, лу-лу. Совсем не похож на премиллого Гвелейда. Некрасивый и страшный. Служитель Толмунда — кровавый маг, один из консулов Верховного Совета королевства. Высокий, с собранными в хвост длинными чёрными волосами. И таким же чёрным взглядом. И чёрными делишками, лу-лу.

Но сильнее всего пугали Йоллу руки кровавого мага с резко выделяющимися тёмными венами. Ладони и предплечья казались

почти чёрными, с редкими просветами светлой кожи. Если смотреть издалека, можно подумать, будто мрачные молнии навечно застыли рисунком на теле консула, лу-лу. Поднимаясь от кончиков пальцев, ломано извиваясь вдоль рук, они охватывали запястья и плечи этого опасного человека и заканчивались одинокими узкими змейками на груди и шее. Одна линия тянулась даже по щеке, истончаясь только к виску кошмарного мага.

Чем дальше рудвик рассматривал его, тем страшнее ему становилось: в мрачных лабиринтах вен чудились то змеи, то кинжалы, то пауки, а иногда даже злое лицо покойной бабушки Йоллу, лу-лу. «Ты неряшливый гадкий слизень с маленьким животиком, лу-лу!» — кричала бабушка. Рудвик вздрогнул и быстро отогнал неприятные воспоминания.

Внимание секретаря привлёк фамильный пергамент, лежащий на столе перед хозяином. Он переливался мягким золотистым светом, как будто в нём проживали немигающие светлячки, лу-лу. Йоллу уже понял, что это всё означает, и надеялся тихонько отсидеться в уголке.

— А вот и мой чудесный помощник. — Камлен хлопнул в ладоши, и рудвик предательски подпрыгнул. — Ну-ка, Йоллу, прочитай мне это. Хотя я и знаю почти наизусть, что написано в этом пергаменте, однако традиция и ритуал должны быть соблюдены.

Уши рудвика нервно задёргались, когда страшный человек остановил свой взгляд на пушистом слугителе, но Йоллу взял себя в лапы. Осторожно стянул пергамент со стола хозяина, выпрямился, чтобы казаться выше, посильнее выпятил живот и принялся торжественно зачитывать:

— Кирмос лин де Блайт, урождённый в сто шестьдесят девятый год от коронации Тибра Иверийского. Консул Верховного Совета королевства Квертинда, наместник полуострова Змеи. Признанный сын Монреда лин де Блайта и Мелинды Блайт, единственный наследник...

Великий консул прервал чтение, выхватив из его лап сверкающий пергамент.

Йоллу, лу-лу, с облегчением вздохнул, потому что читать пришлось бы долго.

— А также бывший экзарх ложи Стязателей, самый могущественный маг королевства, великий воин и весьма амбициозный человек. Что ж, ваши титулы и достижения превосходят самые длинные списки, консул лин де Блайт. Но совсем не таким мне

представляется король, — добавил Камлен и задумчиво почесал седую щетину на щеке. — Вы, должно быть, более чем полностью состоите из войны и магии Толмунда. Ваша сила питается свежей кровью. Что вы видели в своей жизни, кроме битв и смерти? Отец обучал вас военному делу. Наставник — наш погибший король Мирасполь — кровавой магии. Жизнь и опыт — строгой дисциплине и непрерывным сражениям. Но мир — это не только лишения и преодоления. У него есть и другая сторона. Может ли сделать народ счастливым король, который сам никогда не был счастлив? Любили ли вы когда-нибудь, Кирмос?

Кирмос лин де Блайт поднял одну бровь. Он смотрел в белые, подёрнутые мутной пеленой глаза слепого Камлена с насмешкой. Йоллу забеспокоился, лу-лу.

— При всём уважении, Великий консул, вы способны видеть прошлое, будущее и предсказывать события. Ваша мудрость — это множество книг, наполняющих вашу библиотеку, — чёрный консул обвёл руками кабинет. — Но вы слепы. И я говорю не только о глазах. Возраст и годы заточения делают вас чувствительным. — Мужчина сделал снисходительную паузу, но быстро продолжил: — Мир всегда полон войн и страданий. Это его суть. Счастье — погремушка для народа, развлекающая его, как наполненный семенами короб увеселяет младенца. Чувства — это то, что могут позволить себе благородные девы из Мелироанской академии, но никак не правители. Чувства лишают сил и даже жизни. Именно чувства стали причиной гибели Иверийской династии. В ту ночь Лауна и Мирасполь поддались сентиментальности и попросили оставить их наедине — им так хотелось пережить момент простого супружеского счастья. Этим они погубили себя и своего нерождённого сына. Оставшись без охраны, они стали слишком уязвимы, чем и воспользовались мятежники. Великую правящую династию, которая годами справлялась с врагами и невзгодами, победил минутный порыв их же собственных чувств. Что это за счастье такое, которое толкает на неотвратимое безрассудство? Вы обвиняете меня в том, что моя сила питается кровью и требует жертв, но ни одна сила в мире не способна соперничать с жестокими условиями любви. Это самый кровавый и беспощадный монстр из всех мне известных. А я повидал немало тварей и, поймите меня правильно, немало женщин, чтобы выработать в себе устойчивость к этому коварному виду душевного яда. Ду-

маю, только очистив себя от привязанностей, можно сделаться неуязвимым. И сейчас у меня нет слабостей.

В кабинете повисла тишина. Йоллу слышал, как сопит хозяин, застывший, словно вековая статуя. Через мгновение Камлен Видящий резко выдохнул и стал издавать гаркающие звуки, обнажив редкие плохие зубы. Морщины на его щеках стали ещё глубже, подчёркивая непривычную глазу мимику хозяина.

— Ему плохо? — Кирмос лин де Блайт мгновенно растерял насмешливость, насторожился и недоумённо перевёл взгляд на рудвика: — Может, вызвать целителя?

— Нет, лу-лу, — важно ответил Йоллу. — Хозяину сейчас определённо хорошо.

— Это видение? Прорицание? — Мужчина развернулся к Камлену и принялся его внимательно рассматривать.

— Великий консул смеётся, Ваша Милость, — пояснил рудвик. — Смеётся?!

Громкий стук резко оборвал странный смех. Йоллу подпрыгнул от неожиданности, Кирмос лин де Блайт напрягся, готовый к нападению. Камлен ударил ладонью по столу и моментально стал сосредоточенным.

— Что ж, консул лин де Блайт, я принимаю ваше прошение стать правителем нашего королевства. По закону Квертинда вы должны пройти три испытания: испытание войной, испытание династией и испытание изгнанием. Первое вы уже прошли, приняв участие в подавлении восстания Ордена Крона после смерти последних королей Иверийской династии. Порой междоусобные войны, сотрясающие королевство изнутри, — самые губительные. То, что вам удалось с этим справиться пятнадцать лет назад, — невероятное достижение, учитывая ваш возраст на тот момент. Вы оказались очень способным молодым человеком.

— Пожалуй, тогда я и был счастлив, — кивнул Кирмос лин де Блайт. — Война делала меня счастливым.

— Да-да, наверняка, как и всех юнцов. — Камлен Видящий пожевал губами. — Война, вино и женщины. Но теперь вы уже не так молоды и пришли за вторым испытанием. Испытанием династией, которое станет вторым шагом на пути к трону Квертинда. Самым быстрым и однозначным.

— Признаюсь, мне непросто далось это решение, — нехотя поделился чёрный консул. — Как бы то ни было, я подвёл великих правителей. Я был единственным человеком, который мог

уговорить Мирасполя оставить стяжателей для охраны или вовсе послушаться его приказа. Я этого не сделал. Не могу сказать, что не справляюсь с чувством вины, скорее считаю своим долгом убедить хотя бы наследие Иверийской династии. Квертинд и есть их наследие. Но меня не привлекает высшая власть, как вы могли подумать. Напрасно вы обвинили меня в амбициях.

— Я вас этим похвалил! — возразил Камлен.

— Всё равно — напрасно. Пятнадцать лет королевство держится на разделённой власти консулов и на ваших плечах, Камлен. Но с вашей смертью, Великий консул, начнутся распри и разногласия среди Верховного Совета. Мы оба знаем, что это неотвратимо приведёт к краху. Без правителя Квертинд превратится в грудку вековых развалин или станет частью другой империи. Меня не устраивает ни один из вариантов. Я предлагал вам использовать магию крови, чтобы поправить здоровье и продлить жизнь, но вы отказались. Это значит, что ваша скорая кончина неизбежна.

— Ох, Кирмос, я достаточно пожил на этом свете, чтобы уйти. В конце концов, надеюсь, Сады Девейны уже ждут меня. — Великий Консул тяжело поднялся. — Но не сегодня.

Несколько секунд Камлен стоял, опираясь ладонями о стол, и, казалось, вглядывался в собеседника. Потом улыбнулся своим мыслям и снова хлопнул в ладоши:

— Йоллу, друг мой, настало время открыть хранилище реликвий.

Рудвик затрепетал. Хранилище реликвий — самое сердце королевства Квертинд. Входить туда позволялось только Великому консулу и ему, рудвику-секретарю. В такие моменты Йоллу чувствовал себя особенно важным, лу-лу. Видела бы его сейчас бабушка!

Раньше реликвии королевства хранились в Иверийском замке в центре Лангсорда. Но с той самой роковой ночи Красной Луны, когда погибли Лауна и Мирасполь Иверийские, замок закрыли навсегда. Великий консул приказал перенести реликвии в кабинет Претория. С тех пор они покоились в хранилище, открыть которое можно только брошью Великого консула. Хозяин всегда носил её на груди, не снимая даже во сне. Сама брошь была похожа на брошь Йоллу — золочёные весы, только немного крупнее и украшенные двумя драгоценными камнями. На одной чаше лежал синий сапфир, добытый из рудников Галиофских Утёсов в период их завоевания, на другой — красный рубин, подаренный Мелире Иверийской в день её коронации неким амиром Таха-

рии-Хан. «Что бы ты выбрал, Йоллу: красный или синий?» — иногда в шутку спрашивал хозяин, когда они раскуривали баторские благовония. Йоллу выбирал красный, потому что глубоко почитал Мелиру Иверийскую, лу-лу, благодетельницу рудвиков. Хозяин только посмеивался и говорил что-то о выборе между мучительной правдой реальности и блаженной неизвестностью иллюзии. В этом смысле Йоллу был спокоен, лу-лу: зрение рудвиков не позволяло им видеть иллюзии.

Маленький секретарь гордо встал рядом с хозяином и подождал, пока тот закончит с открытием потайной двери. Ждать пришлось недолго — через минуту книжный шкаф со сказками щёлкнул и покорно отъехал в сторону, освобождая проход в крохотную комнату. Йоллу привычно подставил плечо Великому консулу, чтобы тот мог опереться и следовать за рудвиком, но, как и всегда, не смог сдержать трепета: кисточки на ушах мелко задёргались. Ещё бы! В хранилище таились могущественные артефакты, новые и старые. Некоторые были даже древнее Иверийской династии, и их предназначение до сих пор оставалось загадкой. Но для испытания нужен был только один — корона Тибра Иверийского. Та самая, что венчала статую каменного Тибра у входа в Преторий.

Простой обруч выглядел не слишком царственно, по мнению Йоллу, лу-лу. Он был выкован из серого металла, овальной формы, с единственным небольшим выступом у переносицы. По всему периметру были выгравированы символы, значение которых оставалось тайной для всех. Иверийская магия сохранялась только членами династии. Поговаривали даже, что иверийцы не обладали никакой особенной магией, но Йоллу точно знал, что это не так, лу-лу. Несмотря на то что самые сильные маги исследовали обруч и заключили, что он лишён магии, корона Тибра Иверийского работала. И сейчас это предстояло проверить в очередной раз.

— Это корона Тибра Иверийского, основателя династии и мира в королевстве Квертинд! — торжественно объявил Великий консул Камлен и поднял обруч высоко перед собой.

Кирмос лин де Блайт быстро уловил, чего от него ждут, и опустился перед Камленом на одно колено. Йоллу приготовился к любимому зрелищу, лу-лу.

— Я, Великий консул Камлен Видящий, возлагаю на тебя, Кирмос лин де Блайт, бремя власти и могущество правления. Во имя величия и свободы королевства Квертинд, во благо народа его

и процветания. Да примет тебя Иверийская династия! — с этими словами Камлен опустил корону на черноволосую голову мужчины.

Йоллу ждал, но ничего не происходило. От удивления у него расширились глаза, лу-лу. Чёрный человек неподвижно застыл перед хозяином, и на лбу его красовалась корона Тибра Иверийского. Так они стояли какое-то время, пока тишину не нарушил Камлен.

— Хм... что ж, я вас поздравляю, вы прошли испытание, — деловито отвернулся старик, словно подобное происходило каждый день.

— И это всё? — Кирмос лин де Блайт поднялся, снял венец власти и внимательно его изучил. — Вы надели на меня пустой круг из стали и говорите, что я прошёл испытание? А как же смертельная опасность? Меня предупреждали, что во время ритуала я могу погибнуть.

— Это не совсем так. И вы не правы по поводу «пустого круга». Иверийская магия — совершенно особенный вид работы с материями. Ни одному магу так и не удалось её почувствовать. Самые разные и могущественные магистры пытались найти в ней хоть каплю принадлежности к какой-то склонности. Стихийной, ментальной, творческой, кровавой. Даже проводились эксперименты над несчастными, которых заставляли насильно пройти ритуал, чтобы почувствовать присутствие смерти. И — ничего.

— А что стало с теми, кто не проходил ритуал? — Кирмос лин де Блайт начал облачаться обратно в свою чёрную одежду.

— Они просто исчезали. — Слепой старик взмахнул руками. — Растворялись в пространстве, как растворяется дым от свечи. И куда они девались, сами понимаете, никто не знает. Но есть подозрение, что их нет ни в пекле Толмунда, ни в садах Девейны.

— То есть они не мертвы? — Консул лин де Блайт накинул камзол.

— Кто знает, Кирмос, кто знает. Но, поскольку вы всё ещё стоите передо мной, вам это выяснить не удалось. — Великий консул вернулся к своему столу и, кряхтя, опустился в кресло. — Йоллу, принеси-ка мне тигульные чернила, я должен сделать пометку в фамильном пергаменте нашего гостя о том, что он прошёл испытание династией.

Йоллу только сейчас понял, что всё это время практически не двигался и не дышал. Это было удивительно — видеть, как обруч не развеял очередного претендента на престол, лу-лу. На де-

ревянных лапах он прошёл к дальнему шкафчику с чернилами и принёс их хозяину.

Заскрипело перо по фамильному пергаменту Кирмоса лин де Блайта. Тот уже полностью оделся и закрепил высокий ворот серебряной брошью в виде трёх сплетенных хвостами змей. Кровавого мага в нём теперь выдавала единственная тонкая линия на лице, чёрные руки и чёрные же глаза, в которых полностью терялся зрачок. Когда наводящие страх вены-молнии скрылись под камзолом, Йоллу почувствовал облегчение и начал размышлять дальновидно. Вероятно, этот консул-наместник полуострова Змеи — его будущий новый король, рассудил рудвик. Новый король Квертинда. А значит — хозяин его хозяина. Надо бы наладить дружеские связи с этим жутким мрачным магом. Во имя всех рудвиков мира, лу-лу!

Великий консул подул на вензельные строчки, чтобы чернила застыли, свернул листок в трубочку и достал печатный пломбир с весами консульства. Губы старика зашептали заклинание затворения. Когда, наконец, фамильный пергамент был запечатан сургучом и магией, Камлен привычным жестом протянул его рудвику. Йоллу выпятил живот, выставил руки перед собой и с глубоким поклоном принял сверкающий сверток, чем изрядно удивил хозяина. Но Йоллу знал, что делал. Он уже занимался дипломатией, лу-лу: налаживал отношения с будущим королём. Мудрый маленький секретарь неспешно прошагал своими мохнатыми ступнями по истёртому ковру и с таким же глубоким поклоном вручил пергамент Кирмосу лин де Блайту.

— Теперь вы наш новый король, ваша милость, — елеиным голосом произнёс Йоллу. — От имени всех рудвиков Квертинда я вас поздравляю, лу-лу!

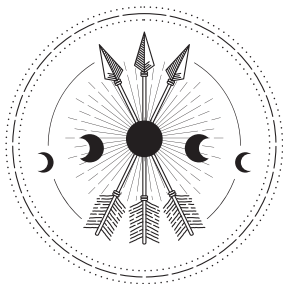
Консул с сомнением посмотрел на Йоллу и взял пергамент.

— Мне осталось ещё одно испытание, — заметил он.

— О, самое простое, лу-лу! — встрепенулся Йоллу. — Для такого мудрого и смелого человека, как вы, прожить два года в удалении, не называя своего имени, — сущий пустяк! Ерунда на жидких сливках!

— Пожалуй, ты прав, рудвик, — согласился кровавый маг. — Я и не думал, что путь к престолу будет таким... лёгким.

На этот раз от гаркающего вороньего смеха Камлена Видящего вздрогнули оба — и Йоллу, и Кирмос лин де Блайт.

ГЛАВА I

ХОРОШИЙ БЫЛ КЕМ

По гладкой поверхности горного озера тянулась розоватая дорожка — предраассветная луна отбрасывала тусклый свет на спящую воду.

Я подняла глаза и посмотрела на неё, на несколько минут заворожённая этим зрелищем. Круглый красный диск был похож на небесную рану, зияющую в небесах и окрашивающую звёзды вокруг в причудливые цвета — багряные, пунцовые, пурпурные. Редкое зрелище. Редкое и по-настоящему прекрасное, которое можно увидеть только раз в год.

Сегодня — Ночь Красной Луны.

Ночь, с которой заканчивается ласковое лето и начинается долгая осень.

Отец рассказывал: старики верили, будто эта ночь особенная, волшебная и опасная. Раньше в такие ночи люди запирались у себя дома, закрывали ставнями окна, чтобы кровавый свет не вторгался в их жизни. Но со временем находилось всё больше смельчаков и романтиков, которые осмеливались выйти, и в конце концов стало ясно: Ночь Красной Луны ничем не отличается от других ночей, белолунных или тёмных.

Кроме одного: пятнадцать лет назад в такую ночь были убиты наши правители, последние из великой Иверийской династии — Мирасполь и Лауна. Это был конец эпохи славных королей и королев, превративших маленький Квертинд в настоящее государство, могущественное и процветающее.

Иверийцы были всемогущими магами, их жизнь была наполнена волшебством и чудесами. В ту ночь, когда их убили, я была ещё совсем малышкой, распугивающей своими крика-

ми рыбу и окрестных животных. Отцу со мной приходилось нелегко...

Я передёрнула плечами от неприятных мыслей. Моего отца, как и знаменитых правителей прошлого, уже не было на этом свете.

Красная Луна продолжала опускаться всё ниже и ниже и теперь своим краем почти касалась верхушек деревьев на горизонте. Повинуясь древним традициям, отец обычно запирал меня дома в эту ночь. В то время как все выходили из своих жилищ, зажигали свечи, отдавая дань памяти мёртвым королям, и шествовали по улицам городов и сёл, маленькая обиженная, я лежала в постели, пытаюсь сквозь закрытые ставни уловить мягкий, необычный свет. Но отец был непреклонен. Молчаливый и застенчивый Кем Горст не любил пышных торжеств и народных гуляний. Он так и прожил всю жизнь в нашем маленьком домике на берегу горного озера под названием Фарелби.

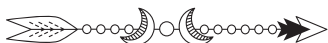
«Люди, Юна, — любил говорить отец, — могут сделать из нас монстров. Они меняют наши решения, наши взгляды и наши мнения. Иногда бывает сложно противостоять их влиянию. И ты неизменно столкнёшься со страшным выбором — между добром и злом, предательством и верностью или даже жизнью и смертью. Но, какой бы выбор ни стоял перед тобой, всегда береги в себе человечность. Она — величайшая из всех магий».

Отец часто рассуждал о людях, которые под влиянием страсти отказывались от своих идей и принципов. Они переставали быть самими собой, совершали чудовищные поступки и падали прямо в бездну Толмунда. Иногда — буквально, то есть умирали и попадали в пекло.

Свою мать я никогда не знала. Отец говорил только, что она была таххарийкой и что он её безумно любил. От неё мне не досталось ни смуглой кожи, ни тёмных вьющихся волос, ни раскосых глаз, свойственных всем выходцам из Таххарии-Хан. Конечно, мне хотелось узнать о ней больше, но разговоры о матери были в нашей семье под запретом.

Да и беседы мы вели редко, предпочитая труд на свежем воздухе. Отец научил меня стрелять из лука и охотиться на кроликов и уток. А на нашем обожаемом озере мы выстроили целую рыболовную империю: сплели лубяные ловушки и установили их в излюбленных рыбой местах. Каждое утро я навещала наши владения, доставала форель, гольцов, тритонов и желтопузиков, чистила и вновь заправляла ловушки приманкой. А потом садилась

в дилижанс, ходивший мимо нашего дома, и отвозила улов в городок, тоже носящий имя Фарелби. Крохотное поселение среди таких же крохотных гор, которые и горами-то назвать нельзя. Хребет Галиофских утёсов заканчивался на Фарелби, поэтому местность здесь была скорее холмистая. До Большого Квертиндского тракта — главной торговой дороги королевства — было несколько миль пути, а знаменитые шахты располагались севернее, там, где горные пики доставали до самых облаков. Так что наш маленький городишко не привлекал ни путешественников, ни торговцев, ни даже преступников.

Свой улов я сдавала торговцам на городском рынке. Платили они хорошо, и нам хватало на жизнь. Там же я покупала всю необходимую утварь и одежду.

В отличие от отца, я не видела в людях ничего опасного и пугающего. Иногда задерживалась на городских праздниках и с удовольствием общалась с жителями. Большинство из них были добрыми и приветливыми, часто угощали меня сладостями и называли «маленькая Юна».

С одним я даже сдружилась. С Лонимом Рилексом — озорным и бойким мальчуганом, вечным изобретателем приключений. Он тоже рос без матери, и это нас объединило. Отец поначалу ворчал, но быстро махнул рукой и только посмеивался в пушистые усы каждый раз, когда мы влипали в неприятности.

А в неприятности мы влипали часто. Наша с Лонимом маленькая банда славилась в Фарелби хулиганскими выходками. Мы были просто напастью для жителей маленького городка: пугали ночных прохожих, бегая в простынях, обливали водой молоденьких девиц и с дикими криками гоняли гусей вдоль единственной улицы. В те времена нас невозможно было разлучить, и если бы кто-то сказал нам, что однажды это изменится, мы бы закидали его грязью из непросыхающей рыночной лужи. Но время нещадно мчалось вперёд, заставляя наши тела расти и изменяться. И, хоть в душе мы всё ещё оставались детьми, неизбежное взросление пришло незаметно, как на Галиофские утёсы приходит осень.

В один из вечеров, ровно год назад, мой самый преданный вихрастый друг объявил мне, что уезжает учиться в северный Кроуниц. Так я впервые узнала всю горечь расставания.

Помню, как провожала его на транспортном перекрёстке. Как крепко сжимала кулаки, чтобы не разреветься. Как хлопала носом, скрывая глубоко в сердце обиду на то, что единственный

друг бросает меня. Каким взрослым и чужим тогда казался мне Лоним! Настоящим студентом.

Наверное, я бы умерла от скуки и тоски по лучшему другу, но он вернулся — приехал на каникулы через два месяца. И, конечно, заглянул на озеро. Я визжала от радости, а отец угостил дорогого гостя калиновой настойкой. С тех пор первокурсник Рилекс приезжал регулярно и всегда рассказывал забавные истории о жизни и учёбе в Кроуницкой Королевской академии.

Я зажмурилась от воспоминаний и покрутила в руках новёхонький листок пергамента. Такой же, какой показывал Лоним в день прощания. Приглашение в академию. Только теперь уже для меня.

В начале этого лета рудвик Миллу привёз упругий свиток, скреплённый печатью с крылатым львом. Это меня позабавило — львы не имели крыльев, а этот явно намеревался взлететь. Ровный витиеватый почерк письма сообщал:

«Уважаемая жительница Великого королевства Квертинд Юна Горст!

Сим документом приглашаем Вас на обучение в Кроуницкую Королевскую академию.

Просим Вас прибыть к пятому дню от Ночи Красной Луны для участия в Церемонии определения склонностей. При себе иметь фамильный пергамент, утверждённый консульством.

После подтверждения вашей склонности вы начнёте учёбу на первом курсе академии.

Данное приглашение является зачарованным артефактом: его уничтожение вычеркнет вас из списка студентов.

В случае отказа, пожалуйста, сожгите этот пергамент.

*С уважением,
ректор Кроуницкой Королевской академии
Надалия Аддисад.*

*Кроуницкая Королевская академия, город Кроуниц,
305 день Красной Луны, 208 год от коронации Тибра
Иберийского»*

Поначалу я обрадовалась, что встречу с Лонимом, но потом решила, что не собираюсь никуда ехать. И приглашение никому не показала. Даже хотела сжечь пергамент. Студенческих исто-

рий мне хватало и в рассказах лучшего друга, а северная столица с её жуткими легендами пугала до колик.

Я любила свою жизнь, любила свой дом, вечерние посиделки с отцом у очага. Говорили мы мало, но мне нравилось наблюдать, как он набивает трубку сушёными листьями табака, поджигает их и выдыхает горький дым. Мне нравились охота в знакомых перелесках и плеск рыбы в озере. Нравились заботливые горожане, которые так и звали меня маленькой Юной, несмотря на то что я уже повзрослела. Дни складывались в недели, недели — в месяцы, так мы и жили в нашем маленьком мирке.

И жили бы ещё долго, если к нам не наведался разноглазый господин.

Однажды к озеру Фарелби пришёл человек в плаще. Капюшона он не скинул даже за столом в доме, куда его пригласили хозяева. Я только смогла рассмотреть, что глаза у него чудные, разного цвета: один — фиолетовый, а другой — зелёный.

Странный был посетитель. Вызывал неприятное чувство. Какое именно, мне так и не удалось понять. Отец называл его просто — господином. Этот господин сообщил, что мою мать, Тезарию Горст, пытал и убил Кирмос лин де Блайт. Последние часы она провела в страшной тюрьме Квертинда — Зандагате, что находится на полуострове Змеи. Я сначала удивилась тому, что моя мама, оказывается, существовала на самом деле и даже жила где-то в Квертинде, а потом сразу же расстроилась от того, что мне так и не удалось с ней познакомиться.

Я спросила незнакомца, в чём её обвиняли. Он повернулся ко мне и посмотрел так, будто впервые заметил, что в комнате есть ещё кто-то, кроме них с отцом.

— Не знал, что вы успели обзавестись потомством, Кем. — Мой вопрос незнакомец проигнорировал.

Кем Горст в ответ стусевался. Мне в тот момент показалось, будто он стыдится самого моего существования. Таким я отца ещё никогда не видела. От этого неприязнь к незнакомцу только возросла, и я поспешила его проводить, тем более что задерживаться господин не собирался. Прежде чем дверь за ним закрылась, он успел рассмотреть меня своими жутковатыми глазами.

— Никогда не стоит недооценивать опасность человечности, — бросил мужчина на прощание.

Мне это ужасно не понравилось.

Было ощущение, будто он гадко обозвал меня. К тому же это совершенно противоречило наставлениям отца.

После его ухода отец достал крепкую настойку и долго пил. А потом сильно заболел. Просто лёг на кровать и больше не вставал. От горя. Я поддерживала его как могла, но унывать мне было некогда — дел на озере всегда хватало.

Мне тоже было жаль маму, до слёз, но моя жизнь осталась прежней, и оттого я поначалу легко пережила новость о её смерти. В отличие от отца. Кем Горст практически перестал со мной разговаривать, только молча смотрел в потолок и угасал на глазах. Я понятия не имела, как это исправить, поэтому старалась усерднее трудиться и всячески потакать ему. Но это не помогало.

Уныние и болезнь всё сильнее одолевали отца, а маленькая Юна змейкой вилась вокруг и, кажется, делала только хуже. Отец бессильно лежал на кровати, ничего не ел, а спустя пару недель и вовсе перестал приходить в сознание.

Доктор Колфин только руками развёл в ответ на мои испуганные просьбы о помощи и посоветовал готовиться к худшему.

«Чудес не бывает, Юна. А иначе твоему отцу не помочь», — сказал он у самого порога и зачем-то сунул мне несколько лирн.

Но маленькая Юна на то и была маленькой. Она верила в чудеса. И даже не удивилась, когда однажды, вернувшись домой с охоты, услышала голос отца.

— Тезария? — позвал он.

— Я здесь! — Я кинулась со всех ног к кровати, потрогала блестящий от пота лоб.

— Воды, — произнёс отец.

Кожа его была горячей от лихорадки, но глаза смотрели вполне осмысленно. Он узнал меня. Узнал и, кажется, расстроился, что я — не Тезария.

— Всё хорошо, отец, это я, Юна, — всё же напомнила я и поднесла край стакана к пересохшим губам.

Он сделал короткий глоток, перевёл взгляд куда-то в потолок, хрипло сказал «Амелия, прости нас» и умер. А я так и осталась стоять со стаканом воды в руках, ещё чувствуя на своих ладонях его прерывистое дыхание.

Помню, как задумчиво присела на край постели и попыталась понять, что же произошло. О чём говорил отец? Я никогда не видела смерть и, несмотря на болезнь, не задумывалась о том, что мой отец когда-то умрёт. И тем более не знала, что говорят в таких случаях.

Я слышала, что перед смертью просят прощения у богов Квертинда. Лежащие в своих постелях молились Девейне, богине мира и благополучия. Странники в пути — Вейну, богу свободы и ветра. Воины в пылу битвы просили о снисхождении Омена. Ещё я могла вспомнить Ревда — бога земли и природы. И Нарцину, богиню творчества и искусства. И Мэндэля, бога разума. И, конечно, Толмунда, кровавого властителя подземелья.

Отец при жизни не почитал никого из них — он никогда не был религиозен, иногда только упоминал какого-то создателя. Но богиню Амелию я абсолютно точно не знала. Может, ей поклонялась моя мать? О таххарийских нравах мне было ничего не известно. Станные мысли крутились в моей голове, я была растеряна.

Поставив стакан, я развернулась и вышла из дома. На глаза попался мой охотничий лук. Я привычно перекинула его через плечо, прошла на маленький дворик с тренировочной мишенью и выпустила в неё весь колчан стрел, одну за другой.

Пальцы дрожали, глаза были подёрнуты пеленой, поэтому в цель не попала ни одна стрела и холщовая мишень с красным кругом посередине осталась пустой. Я подошла и пнула её. Мишень пошатнулась, но устояла. И тогда я начала что есть силы молотить её — ногами, руками, пинать, бить и даже царапать до тех пор, пока она не превратилась в груды поломанных деревяшек и рваного полотна. Руки и ноги покрылись кровью и ссадинами, но я не плакала. Просто медленно опустила рядом с обломками и закричала.

Гулкое эхо разнеслось над озером. Никто меня не слышал, и никто мне не ответил.

Только теперь я осознала, что осталась совсем одна. Отец был единственным человеком, который всегда оставался со мной рядом. Маленькая Юна жила беззаботно, без целей и планов, просто доверяясь течению жизни. Но смерть оказалась ещё более злым вестником, чем взросление, потому что несла с собой не расставание, а потерю.

Не знаю, сколько я просидела над грудой обломков. Мне казалось, что время остановилось, но когда темнота опустилась на Фарелби, я поняла, что оно всё продолжает свой бег и меня ждут перемены.

Отец Лонима, господин Рилекс, помог мне похоронить отца недалеко от дома, под старой ивой, ветви которой доставали до са-

мой земли. Думаю, ему бы понравилось это место — укрытое, безлюдное, окутанное еле слышным плеском нашего озера.

И вот теперь я, Юна Горст, впервые в своей жизни вышла из дома в Ночь Красной Луны и во все глаза смотрела на небо. Впервые держала в руке одинокую свечу, отдавая дань памяти не только великим правителям, но и своему отцу.

Пламя слегка потрескивало, будто переговариваясь с шелестящими волнами. Я сидела, свесив ноги с бревенчатого пирса, а за спиной у меня были мой дом и вся моя жизнь.

Красная Луна уже кинула последний отблеск на гладь озера и теперь таяла за горизонтом.

Над Фарелби занимался рассвет.

Когда первые лучи солнца коснулись моего лица, я задула свечу. Сегодня мне предстояло покинуть это место и отправиться в большой мир, о котором я почти ничего не знала. Перемены пугали меня, но я должна была посмотреть в лицо опасности.

Этой ночью маленькая Юна, дочь рыбака, милая девчушка исчезла. Течение жизни, по которому она плыла, потопило её, затянуло под воду вместе с наивным жизнелюбием, заполнило её тоненькое тело одиночеством и отчаянием. Пока я не понимала, кем стала теперь, да и жива ли по-настоящему, но одно можно было сказать наверняка: я всё ещё дышала. И теперь даже знала зачем.

За эту ночь моя растерянность сменилась гневом и жаждой мести. Я твёрдо решила отомстить за свою семью, за то, что мой мир неотвратимо рухнул. Долгие годы каждый день я занималась привычными делами, не думая о том, что меня ждёт впереди. Оказалось, что в моих трудах не было никакого смысла.

Если подумать, мир мой начал рушиться уже давно, по камешкам, по кирпичикам, пока, наконец, не рассыпался окончательно. Я вспомнила того господина, что приходил к нам однажды и назвал имя, несущее смерть и болезнь. Его визит стал началом кошмара, который сейчас сгустился вокруг меня.

Я запомнила это имя. Оно проникло в сердце, вьелось под кожу, засело внутри, как заноза, которая будет ныть, пока её не вытащишь.

Кирмос лин де Блайт.

Человек, который убил мою мать. И которого теперь хотела убить я.

«Чух. Чух. Чух» — послышался знакомый звук.

Приближался дилижанс.

Я перекинула через плечо лук, потуже затянула ремень колчана, подняла небольшую сумку. Проверила монеты в кармане плаща — их должно было хватить, чтобы добраться до Кроуницкой Королевской академии. Именно оттуда я решила начать свой путь. Для воплощения плана мести мне необходимо было выучиться магии и военному ремеслу. К тому же в академии жил единственный человек, который был мне дорог.

Я надеялась, что Лоним ждёт меня. Как ждал таинственный Кроуниц — жуткий и чужой северный город среди громадных ледяных скал.

«Чух. Чух. Чух»

Дилижанс подъезжал всё ближе, выплёвывая белый дым в кристально чистый утренний воздух.

Пробираясь сквозь малинник, отделявший мой дом от дороги, я на мгновение засомневалась. Что за глупость — мстить человеку, который никогда о тебе даже не слышал! Особенно если ты одинокая, несчастная сиротка, никогда не видевшая большого мира. Захотелось кинуться обратно — к ласковому плеску Фарелби, к привычной жизни, к отцу... Или хотя бы к его могиле.

Паровая телега в очередной раз пыхнула белёсым облачком и со скрипом остановилась. Я сорвала напоследок яркую ягоду, закинула в рот и рванула к дилижансу с яростной решимостью. Схватила за покатые бортики и с наскака запрыгнула.

Транспорт недовольно покачнулся, но быстро выровнялся.

— А, маленькая Юна, — кивнул рудвик Миллу, вечный водитель дилижанса. — А где рыбы Юны, лу-лу?

На голове рудвика покоилась старая грязная шляпа, в которой он прорезал дырки для ушей. Когда-то эта шляпа была голубой фуражкой транспортной компании, но теперь её изначальный цвет было трудно угадать.

— Они остались в озере, Миллу, — вздохнула я с сожалением. — Думаю, теперь их долго никто не будет тревожить.

— Это хорошо, — одобрил рудвик и с серьёзным видом добавил: — Место рыбы — в озере.

Он крутанул руль, и дилижанс кособоко тронулся.

Я плюхнулась на свободную лавку, кинула под ноги сумку. Поздоровалась с четой Полн, фермерами с плантации недалеко от нашего озера. Они суетились над мешками с овощами — завя-

зывали потуже шнурки, запихивали поглубже морковь и собирали рассыпанные по дилижансу картофелины.

— Всё-таки решилась? — начала женщина, устало усаживаясь напротив. Она пыхтела, на щекастом лице разлился румянец. — А и правильно, Юна! Нечего одной пропадать, давно пора перебраться поближе к людям.

— Ладна девка в людях не пропадёт, — подмигнул господин Полн.

Его супруге эта мысль почему-то не понравилась, и она ткнула мужа локтем в бок, из-за чего тот подобрался и посуровел.

— Жалко Кема, — продолжила госпожа Полн. — Хороший был мужик, хоть и нелюдимый. Иной раз, помню, и рыбки нам подкидывал, когда мы с базара возвращались. Возле нашей-то фермы, сама понимаешь, только земля да бурьян. А рыбки хочется, у вас она вона какая вкусная!

— Хороший был Кем, — опять подал голос крепкий господин Полн, опасливо поглядывая на жену.

— Очень хороший, — одобрила женщина.

На этот раз тычка локтем её супруг не получил и остался собой доволен.

— Да, мой отец был хорошим человеком, — из вежливости согласилась я, хотя вступать в диалог совсем не хотелось.

Дорога никуда не годилась — вся в ухабах и колдобинах, отчего дилижанс постоянно подсакивал и норовил вытряхнуть нас на пыльную обочину. Хорошо, что высокие деревянные бортики этому препятствовали. Встречный ветер трепал мои косы, забирался под плащ и раздражал глаза. Или они покраснели от напояминаний об отце?

Ехать до городка Фарелби предстояло около часа. Чтобы отвлечься от грустных мыслей и заодно уйти от разговоров, я решила перекусить. Достала из сумки завёрнутые в холщовую салфетку хлебцы, но стоило мне хрустнуть первым кусочком, как меня оставил громкий окрик рудвика:

— Никакой еды! От хлебцев будут мусорные крошки, лу-лу! Только не в дилижансе Миллу!

Я огляделась. Паровой транспорт был весь в дорожной пыли. Пол дилижанса облепили куски грязи, кое-где присохла трава. В одном углу даже был замечен козий помёт.

— Но тут и так ужасно грязно, — попыталась я отвоевать своё право на завтрак. — Вон даже козьи какашки лежат.

— Козьи какашки — собственность дилижанса Миллу, — деловито ответил рудвик. — А крошки Юны — это крошки Юны. Никаких крошек маленькой Юны в дилижансе Миллу, лу-лу!

Спорить с такими весомыми аргументами не хотелось, да и наверх было попросту невозможно, поэтому я вздохнула и покорно убрала хлебцы обратно в сумку.

— Ишь, раскомандовался тут! — возмутилась госпожа Полн. — Это не твой дилижанс, а собственность королевства Квертинд, вверенная тебе транспортной компанией на благо его жителей. Благо, понимаешь?

С этими словами она вытащила из мешка большую морковку, резво обтёрла её о свой клетчатый передник и протянула мне. Я поблагодарила женщину и с улыбкой приняла угощение.

— Никакой еды в дили...

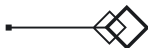
— Замолчи! — прикрикнула на рудвика госпожа Полн. — У девочки отец умер, а ты лезешь со своими запретами! Крути баранку и не лулукай там, понял? От морковки крошек не бывает.

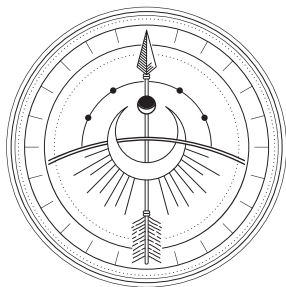
Я скривилась от упоминания о смерти отца, но снова прошептала тихое «спасибо». С громким хрустом откусила сладкий корнеплод и взглянула назад.

Мой маленький дом был ещё виден, но всё быстрее удалялся, скрываясь за придорожными деревьями. Вспомнилось, как мы с отцом строили вокруг него дощатый забор, как ходили за грибами и ягодами в лес. Как он учил меня плести рыбные ловушки и стрелять из лука. Как вечерами, лёжа на берегу, я смотрела на звёзды и загадывала простые желания. Всё это сейчас отдалялось от меня вместе с моим домом. Неужели я никогда не вернусь сюда? А может, остановиться прямо сейчас, пока ещё заметен забор и малинник за ним? Я даже привстала со скамейки и оценила возможность прыжка — не сломаю ли ноги, если сигану из телеги в куст попушистее?

— Хороший был Кем. — От голоса господина Полна я всё же подпрыгнула, но осталась в дилижансе.

К счастью, ответа от меня никто не требовал. Вместо него я вгрызлась в крепкий оранжевый бок морковки, глотая крупные куски вместе с солёными слезами.

ГЛАВА 2

ПОЭЗИЯ ВРЕМЕНИ

Городок Фарелби встретил нас утренней прохладой и непривычной тишиной. Покосившиеся лачуги ближе к центру сменились добротными бревенчатыми избами, а кое-где и настоящими каменными домами. Обычно в это время на улицах уже появлялись сонные жители, спешащие по своим делам, но сейчас было тихо. После Ночи Красной Луны горожане ещё спали, и только редкие дворники с мётлами сгребали в мелкие кучки огарки свечей.

Я ловко спрыгнула с телеги и огляделась. Коричневые низенькие дома ютились, прижавшись друг к дружке и чередуясь с мелкими лавочками. На главной улице расположились все достопримечательности маленького городка: булочная, аптекарская, дом городского главы и таверна. Они соседствовали с жилыми домами за дощатыми заборами, на которых висели горшки и сушилось бельё.

Первым желанием было немедленно отправиться знакомым маршрутом — на местный базар, куда я сдавала рыбу. Но сейчас, как правильно заметил Миллу, рыбы у меня с собой не было, поэтому я немного растерялась.

Чтобы добраться до Кроуница, предстояло ещё посетить Нуотолинис — большой портовый город на Галиофских Утёсах. Там было ближайшее консульство, в котором я могла получить семейный пергамент. Но дилижанс до Нуотолиниса ходил по строгому расписанию и отправлялся нескоро, так что времени у меня оставалось предостаточно.

Тогда я решила навестить дом своего друга Лонима. Его отец всегда тепло меня принимал, несмотря на наши с Лонимом хулиганские выходки.

Однажды мы высыпали целое ведро желтопузиков, выловленных рядом с озером, прямо в сад старосты Фарелби. Внешне желтопузики напоминают змей, хотя на самом деле это обычные ящерицы. Беззубые, безвредные, даже полезные: уничтожают насекомых, которые портят посевы и урожаи. Но жена старосты этого не знала, поэтому её визг слышал весь Фарелби. Она вопила, что завистники наполнили её сад ядовитыми змеями, и выбежала на улицу в одних панталонах. Староста приходил потом к отцу Лонима и требовал строгого наказания для нас обоих. Даже угрожал жалобами в Преторий, но вкрадчивый и любезный господин Рилекс заверил его, что наша расплата будет жестокой и незамедлительной. Немного остывший староста ушёл, гневно сверкая прищуренными глазами. А отец Лонима мягко пожурил нас, предупредив, что в следующий раз нам стоит подумать о маскировке.

Поэтому, когда в следующий раз мы решили проучить торговца фруктами, который недоплачивал фермерам и требовал огромные деньги с покупателей, нам пришлось приобрести у местной портнихи пару женских чулок и сделать в них прорезы для глаз и рта. Мы едва сдерживали смех, но маскировка — дело серьёзное.

Лоним к тому времени уже выбрал свою стихийную магию — природную магию огня и заколдовал наконечники моих стрел маленькой искрой. Когда я попадала в какой-нибудь фрукт на прилавке жадного торговца, он разлетался вдребезги, поливая соком всё вокруг. О том, что это могло быть опасно, мы в тот момент не думали. Нас вдохновлял неизменный девиз: «Опасности нужно смеяться в лицо!»

К сожалению, маскировка не помогла. Всё же в Фарелби было очень мало подростков, занимавшихся мелким вредительством. И ещё меньше — хороших лучников, способных попасть хотя бы в дыню, не говоря уже о более мелких фруктах. Как только торговца в очередной раз окропляли брызги сока, он раздражался порцией крепких ругательств в адрес Лонима Рилекса и Юны Горст. И «мелкие засранцы» было самым благопристойным. Помню, я даже заслушалась.

С этими приятными воспоминаниями я и подошла к дому с ржавой вывеской в виде циферблата. Надпись гласила: «Часовая мастерская Ганса Рилекса».

Дом был приземистый, сложенный из камня, с крепкой тяжёлой дверью. Я взялась за ручку-кольцо и постучала. Внутри зашумели, затем послышались привычные шаркающие шаги господина Рилекса.

— О, малышка Юна! — обрадовался часовщик. — А я тебя ждал. Всё надеялся, что ты заглянешь ко мне перед отбытием. И ты не подвела.

— Здравствуйте, господин Рилекс.

Я зашла в знакомое прохладное помещение — настоящее царство времени. Часы здесь были повсюду: на стенах, столах, тумбочках и стульях. Самые разные, большие и маленькие, разноцветные, с надписями и без них, с ажурными стрелками и причудливыми корпусами. Объединяло их только то, что все они стройным хором издавали один и тот же звук: тик-так.

Впервые попав в эту мастерскую, я долго не могла оторваться от тикающей коллекции. Я и представить не могла, что такое сокровище может храниться в Фарелби. Ганс Рилекс был увлечённым коллекционером и знатоком своего дела. Когда-то он много путешествовал, охотясь за редкими экземплярами часов или их механизмов, теперь же ему больше нравилось создавать часы самому. У него были седые, но ещё вполне густые волосы и тонкие, длинные пальцы, которые казались непропорциональными относительно его небольших рук. Господин Рилекс одевался в клетчатый камзол, застёгивая его только на одну пуговицу, и серые штаны. В кармане камзола он всегда носил пенсне на длинной цепочке и имел привычку пользоваться им, даже когда это было совершенно не нужно. Иногда он смущал собеседников, пристально рассматривая их через свой окуляр, но, казалось, сам этого не замечал. Вот и сейчас он поднёс пенсне к глазу, словно хотел убедиться, что перед ним действительно Юна.

— Когда в свою восемнадцатую Красную Луну Лоним уехал в академию, я сказал ему, что он выглядит совсем взрослым. И это правда было так. Я бы хотел сказать тебе, что теперь ты тоже взрослая, но передо мной стоит всё та же маленькая Юна с двумя каштановыми косичками и смелым взглядом. Эх-хе, — вздохнул Ганс и сменил тему: — Я хочу передать Лониму кое-какие детали. Кажется, он всерьёз увлётся магией механизмов, хотя сам настойчиво называет это «наукой». Нахватался в своей академии. Не откажешь старику в небольшой услуге?

— Конечно! Представляю, как Лоним обрадуется. Его действительно интересуют все эти металлические штуковины.

— Тогда подожди, я соберу небольшую посылку. И для тебя у меня тоже будет подарок.

— О, не нужно! Все и так носятся со мной, будто с маленькой, — посетовала я. — Но я в самом деле выросла. По крайней мере, мне уже точно пора вырасти.

— Эх-хе, — опять вздохнула Ганс. — К сожалению, некоторые люди взрослеют не по возрасту, а по обстоятельствам. Такова судьба. Но кто твёрдо знает, что делать, тот приручает судьбу.

— Думаете, судьбу можно приручить, господин Рилекс? — удивилась я.

— Нельзя приручить только время. — Часовщик очертил круг руками, указывая на все часы одновременно. — У него совершенно особая, неподвластная нам поэзия. А судьбу — судьбу, пожалуй, можно. Кстати, в эту Ночь Красной Луны к нам приезжал странствующий бард. Очень талантливый молодой человек. И такой обходительный. Особый отклик в таверне вызвала его баллада о Мирасполе и Лауне Иверийских. Сейчас я тебе процитирую.

Старик подобрался, поднял подбородок и запел высоким голосом, вероятно, подражая заезжему барду:

*Кто вертит кем — ещё вопрос большой:
Судьба любовью иль любовь судьбой?*

Петь у господина Рилекса получалось явно хуже, чем чинить часы. Но я улыбнулась и захопала в ладоши, как делают зрители. Мне доводилось несколько раз бывать на выступлениях бардов в нашей таверне. В основном это были сильно пьяные люди, которые, перебирая струны лютни, громко выкрикивали непристойные стихотворения, чем вызывали отклик у таких же пьяных фарелбийцев.

— Кажется, я тебя задерживаю, — засуетился отец Лонима. — Сейчас вернусь!

С этими словами он скрылся за дверью кладовой и чем-то загремел.

Я же обошла комнату по кругу, потом ещё раз и ещё. Все выставленные часы были изучены мною десятки раз, и новых, увы, давно не появлялось. Заскучав, я подошла к зеркалу. Надо отметить, что это было единственное зеркало, в которое мне довелось глядеться в своей жизни, не считая треснутого кругляша для бритья в нашем рыбацком домике и гладкой поверхности озера.

Маленькая Юна? Хм... Из узорной овальной рамы на меня смотрела вполне взрослая темноволосая девушка. Ничем особенным

моя внешность не отличалась — сложения я была тонкого, без выдающихся форм. Плоский живот, узкие плечи. Единственным ярким пятном была светлая, почти белая прядь волос с правой стороны от пробора. Эта своеобразная примета была у меня с рождения. Волосы я привыкла заплетать в две косы, так было аккуратнее и проще. Как там сказал господин Рилекс? Смелые глаза? По-моему, они просто слишком большие для моего лица и оттого кажется, что они смотрят с некоторым вызовом. Я попыталась их прищурить, чтобы сделать взгляд более загадочным. Почему-то от этого напрягся подбородок и лицо стало совсем глупым. Я вытянула шею и высунула язык. Глаза стали ещё больше. Два огромных зелёно-голубых глаза.

— Всё готово, Юна. — Отец Лонима вышел из каморки, держа в руках перетянутый бечёвкой свёрток. — Я положил только самое необходимое, чтобы тебе не было тяжело.

— И не будет, я привыкла к тяжестим.

Я взяла свёрток и засунула его в свою сумку. Надо сказать, для своих размеров вес он имел весьма внушительный. Но озвучивать это я, конечно, не стала.

— Теперь подарок! — Часовщик сделал приглашающий жест к столу, где лежали часы, которые обычно надевали на руку. — Хочу подарить тебе что-нибудь из своей коллекции. Время нельзя подчинить, но его можно наблюдать. И рассчитывать. А это всегда полезно. Подойди, Юна.

Я подошла и взглянула на часы. Моё внимание привлек ярко-красный циферблат в виде сердца. Ганс Рилекс проследил за моим взглядом. Разумеется, почти все его часы были артефактами и имели какой-то магический эффект.

— О, отличный выбор, очень популярная модель! Среди часовщиков носит название «Золушка». Истинно женская, но есть и мужчины, которым такие часы по вкусу. Сильная ментальная магия. При активации воздействует на восприятие существ вокруг владельца этого образчика аурой очарования. Абсолютно все, кто окажется рядом, будут считать тебя самой привлекательной и пленительной девушкой на свете. Магия действует, пока часы не отсчитают двенадцать минут с момента активации. Потом аура пропадает. К сожалению, долгий эффект накопления заклинания. Активировать можно только раз в восемь лет.

— За двенадцать минут замуж не выйти, — решила я, вспомнив главную мечту всех фарелбийских девушек.

— Эх-хе-хе. Не все хотят выйти замуж, иногда некоторым нужно просто хорошенько... э... — Он осёкся, взглянув мне в глаза. — Хорошо выглядит какое-то время, да!

— А это что за часы? — спросила я, указывая на циферблат, обрамлённый зелёно-голубыми блестящими камешками. Как раз под цвет моих глаз.

— О, это «Музыкальный аквамарин». Играют музыку в тот час, который тебе нужен. Ты сама можешь выбирать, когда именно они заиграют.

— Тоже ментальная магия?

— Магия механизмов, — скривился часовщик. — Как бы сказал мой сын, «наука».

— Вообще-то очень удобные часы. Для студентки. Можно просыпаться с музыкой каждое утро.

— О да, и недешёвые. Это натуральные аквамарины, так что часы сами по себе являются прекрасным и вполне respectable-ным украшением.

— А вот эти, господин Рилекс? — Я указала на тонкие часы с иверийским символом, как на наших монетах. — Они музыку не играют?

— Увы, это просто красивая безделушка. Много лет назад мне её подарила одна юная особа. Она испытывала живой интерес к моей коллекции, и мы охотно беседовали ночи напролёт о течении и необратимости времени. Когда пришла пора расставания, она сняла с руки эти часики и вручила мне. Тогда был подъём величия Иверийской династии, и носить их герб хотели все, кто хоть немного был сведущ в политике. Моя знакомая не была исключением. Жаль, но это единственная особенность этих часов. Ты даже продать их не сможешь, если вдруг у тебя возникнет потребность в деньгах. Из-за отсутствия в них магии и драгоценностей их никто не купит.

— Я никогда не продам ваш подарок! — воскликнула я.

— Маленькая Юна, — усмехнулся он, — ты ещё так категорична.

— Господин Рилекс, а можно мне именно эти часы? Это даже хорошо, что я не смогу их продать. К тому же ремешок у них тонкий, гибкий, не будет мешать мне заниматься стрельбой и фехтованием.

— Ты уверена? У них есть изъян: они спешат ровно на пять минут. Как бы я ни старался их подвести или починить, они не-

изменно показывают время на пять минут больше реального. Может, посмотришь ещё какие-нибудь? Есть природные артефакты, из других королевств...

— Я уверена. Если, конечно, вы не хотите сберечь их как память о той особе.

— Однозначно хочу, — отрезал часовщик. — Но ещё больше хочу, чтобы эти часы перестали быть реликвией старого ворчуна и вновь обрели хозяйку.

Он аккуратно обвил браслет вокруг моего левого запястья. Гладкий корпус часов приятно холодил руку. Тонкий кожаный ремешок идеально прилегал к коже. Символ Иверийской династии — корона с семью шпильями — слегка отражал свет. Мне нравилось. Я посмотрела на стрелки. Почти половина двенадцатого. Это означало, что мне стоило поспешить на дилижанс, который увезёт меня совсем далеко от дома.

— Спасибо за подарок. Часы очень красивые. Я обязательно передам всё Лонику, а ещё — ваши отцовские объятия! — с этими словами я раскинула руки и крепко прижала к себе старика.

— Эх-хе, — растрогался господин Рилекс, тыльной стороной ладони утирая глаза. — Кажется, только вчера мы с Кемом пили эль на берегу озера, а вы распугивали рыбу детскими криками. И вот посмотрите: вы оба уехали, а Кем...

Часовщик ненадолго отвернулся, засмутившись. Потом подобрался, встряхнул седой копной волос и повёл меня к выходу.

— Что ж, тебе нельзя опаздывать, маленькая Юна. Дилижанс в Нуотолинис — это не наш Миллу, который может подождать пассажира минуту-другую. Пора тебе на транспортный перекрёсток, занимать лучшие места на пути к своему славному будущему!

Когда я подошла к перекрёстку, голубой дилижанс уже принимал пассажиров. Краска на его корпусе потрескалась и кое-где отошла, колёса местами проржавели, но всё равно он не шёл ни в какое сравнение с телегой, на которой ездил рудвик Миллу. Это была настоящая карета, с крышей и даже с дверцами. Для удобства пассажиров имелась ступенька, которая помогала забираться в дилижанс даже дамам в широких платьях.

— Три лирны, три лирны! — кричал машинист в голубой и, надо отметить, чистой фуражке, стоя на подножке своего транспорта. — Бархатный сезон в Нутолинисе, всего за три лирны!

Уже проснувшиеся, но неизменно неторопливые фарелбийцы почти не обращали на него внимания. Некоторые прохожие жевали ему счастливого пути, но ехать никто не хотел. Три лирны — не такая уж маленькая сумма за поездку. На эти деньги можно купить пять бочек рыбы. Я подошла к представителю транспортной компании, достала маленький мешочек с монетами и отсчитала ровно три лирны.

— Долго ехать до Нутолиниса? — протянула я плату мужчине.

— Около четырёх часов, если по хорошей погоде. Сейчас небо чистое, дороги сухие. Я сюда доехал за три с половиной. Добрался с ветерком! — ответил машинист.

Я кинула взгляд на его обветренное лицо. Пожалуй, в каждой профессии есть свои особенности.

В дилижансе уже сидело двое пассажиров. Один был рудвик в нарядном кафтане. Он развалился на сиденье, окружённый большими мешками, которые были подозрительно похожи на те, что привезла утром в Фарелби чета Полн. Другой — мужчина с козлиной бородкой и в длинном странном плаще, сделанном как будто из коричневой кожи. Весьма необычно. И к тому же из его круглой торбы торчали свёртки пергаментов.

Я села на истёртую деревянную скамью, запихнула сумку под ноги и пристроила лук в углу. Вежливо улыбнулась обоим попутчикам и тихонько поздоровалась. Мне ответили таким же тихим приветствием. Со стороны рулевого устройства послышался стук.

— Отправляемся через минуту, — сообщил машинист.

Вдруг дверцы дилижанса снова распахнулись, и внутрь царственно вплыла зелёная лютня с жёлтыми вензелями. Она ненадолго замерла перед нашими глазами, давая возможность хорошенько её рассмотреть, а затем словно втянула за собой хозяина, одетого в тон своему инструменту. Хозяин лютни внимательно оглядел всех троих пассажиров, отвесил поклон и представился:

— Виртуоз Мелироанский, странствующий бард, стихотворец и ретивый почитатель красоты и искусства.

Пассажиры кивнули ему и отвернулись. Только я продолжала рассматривать Виртуоза Мелироанского, похожего на радужную птичку. У него был большой, цыплячьего цвета берет, свисающий набок, и жёлтые сапоги, подвёрнутые у голенища. Поверх зелёного

бархатного сюртука висела маленькая бутылочка с золочёной арфой внутри. Струны её вибрировали. Возможно, если бы я разбила этот сосуд, то услышала бы музыку.

Недовольный произведённым на попутчиков эффектом, бард приподнял свою лютню и запел:

*— Отправились прочь они в синей карете,
Скрывая в душе путешествий азарт.
Нет лучше друзей на всём белом свете:
Лу-лу и красотка, учёный и бард!*

— Меня зовут Роллу, — возмутился рудвик. — Попрошу ко мне не обращаться лу-лу, лу-лу.

— Я знал! — обрадовался бард. — Знал, что моё творчество объединяет людей! Как здорово, что мы уже начали знакомство! Вот вы, как вас, эээ... лу-лу? Чем вы занимаетесь?

— Я Роллу, лу-лу, — насутился ушастый пассажир. — Я купец. Везу корнеплоды.

— Чрезвычайно увлекательная профессия, мой пузатый друг! Сколько невероятных приключений, должно быть, случилось с вами! Вам никогда не подкладывали в мешки баторских жуков? О, можете не говорить, я знаю, что такое тайна торговой сделки!

Рудвик с подозрением покосился на свои мешки. Человек в кожаном плаще надел на кончик носа очки и посмотрел сквозь них на нового пассажира. Тем временем дилижанс уже тронулся и набирал скорость. Барду пришлось сесть, потому что при выезде из города паровая карета подсакивала на каждой ухабине.

— А вы, должно быть, любитель поэзии? — обратился Виртуоз ко второму попутчику, указывая на его пергаменты. — Я могу надиктовать вам по памяти все свои баллады, пока мы путешествуем в этой славной голубой буханке!

— Я исследователь, — отозвался мужчина с явным акцентом. — Квибрл из Тимберии. Пишу летопись про ваша страна. Как это вы называть — королевство. Очень большая королевство, много людей и рудфики. Много фолшебство.

— Вы имеете в виду магию, наверное? — уточнила я.

— Да-да, магия, — подтвердил исследователь.

— О изящная Нарцина, сегодня ты одарила меня аквамарином! — Музыкант взял мою руку и зачем-то облюндовал её губа-

ми. — Даже двумя! Бирюза и лазурь, невинность и порок, наивность и искушение! Как зовут тебя, дар богов?

Я не знала, что делать с влажной от его слюны рукой, и решила вытереть её об дорожный плащ.

— Юна, — не сразу сообразив, кого он имеет в виду, ответила я. — Жила в Фарелби с отцом в домике у озера, ловила рыбу. Теперь еду поступать в академию Кроуница. Только получу фамильный пергамент в Нутолинисе — и сразу отправлюсь. А то без него не принимают, мне мой друг Лоним рассказывал.

— Прелестное создание, если бы вы знали, как я завидую вашей истории! Невероятная, увлекательная, завораживающая!

— Вообще-то рыбалка и правда увлекательное занятие. Мы с отцом ставили ловушки по...

— О нет, не этой истории, лин де шер. А той, которая только начинается, — пояснил Виртуоз Мелироанский.

— Откуда вы знаете, что у меня начинается какая-то история? — захлопала я глазами.

— Потому что я бард, — отчеканил музыкант. — Я всегда чувствую, когда начинается великая история. Иначе я бы не добился такого ошеломительного успеха у моих почитателей!

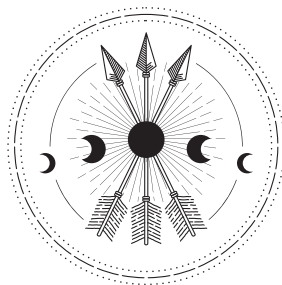
Я слышала о многих знаменитых бардах, но имя Виртуоза Мелироанского было мне незнакомо. К тому же я сомневалась, что настолько успешный бард приехал бы на выступление в таверну Фарелби.

Мой пёстрый спутник прислонился к стенке дилижанса и вновь тихо замурлыкал песню. Пальцы его засветились, по струнам забегали яркие жёлтые искры. Это зрелище заинтересовало меня даже больше, чем сама музыка.

*Историй занятных большой я охотник,
Коль сердце нагое трепещет в груди.
И вот начинается сказка сегодня,
Что ждёт синеглазку на длинном пути.*

Нагое сердце?!

Да уж, если бы бард знал, какая страшная и кровавая сказка ждёт меня впереди, то, возможно, спел бы совсем другую балладу. Но рассказывать об этом кому-либо было нельзя, так что я, следуя его примеру, облокотилась о ближайшую поверхность и попыталась уснуть.

ГЛАВА 3

ДЕТЕРМИНАНТЫ И ПЕРСОНАГВИРЫ

Много лет я засыпала и просыпалась под плеск воды. Тихий шелест озера Фарелби убаюкивал меня на ночь и нежно будил по утрам. Я так привыкла спать под шум воды, что не представляла себе отдых без этого мерного звука. И прямо сейчас, прижавшись ухом к стенке дилижанса, я слышала, как знакомый плеск приятно ласкает слух.

Открывать глаза не хотелось: я боялась, что моё наваждение, моя маленькая связь с дорогим сердцу прошлым пропадёт, как только развеются остатки сна. Но выбора не было — скоро мы прибывали в Нутолиниис, и оставаться в дилижансе я точно не собиралась.

Двое моих попутчиков бодрствовали. Предприимчивый рудвик плотнее завязывал мешки, мужчина в очках, уткнувшись в пергамент, делал какие-то пометки с помощью длинной тонкой палочки. Судя по тому, что в ней не было чернил, она являлась магическим артефактом. Бродячий бард сладко спал, прижимая к груди лютню. Его берет окончательно съехал набок, за расстёгнутым воротом камзола виднелась мятая нижняя рубашка из тонкого батиста.

Сонно потягиваясь, я выглянула из окна дилижанса... и обмерла.

Ласковый шелест мне не почудился. За окном плескалась вода!

Казалось, горизонта не было и небо не заканчивалось, а синне-голубой бездной продолжало стелиться по земле. Причудливое отражение солнечных лучей от водной ряби создавало иллюзию пляшущего белого пламени. Ближе к берегу вода была тёмно-синей, почти чёрной, с белыми гребешками, напоминавшими са-

харную пенку на ежевичном варенье. И эта громада все время двигалась, то подступая к берегу, то откатываясь от него. Плавно, как полог леса, потревоженный ветром.

Я припала носом к стеклу, не смея даже вдохнуть от восторга.

Главное очарование заключалось в какой-то тайне, которую эта бездна хранила в себе.

Наше озеро всегда казалось мне большим и прекрасным, но по сравнению с тем, что я видела сейчас, Фарелби было ничтожной лужей. Я знала, что море — просто большой водоём, но не могла представить себе его силу и могущество. Это завораживало и... пугало.

Я вспомнила свое обещание убить Кирмоса лин де Блайта. Это выглядело так, будто маленькое озеро из далёкой тихой провинции собиралось утопить в своих водах море. О нынешнем наместнике полуострова Змеи мне было известно не слишком много, но даже в нашей глуши знали, что он — великий воин, подчинивший себе несколько видов магии. Могущественный и жестокий, сметающий всё на своём пути.

«Что ж, в академии нужно будет выяснить о нём как можно больше. Уверена, у него тоже есть свои слабости», — приободрила я саму себя и чуть не слетела с лавки от резкой остановки.

Дилижанс замер возле белокаменного строения.

Здание было длинным, с большими полукруглыми арками окон, выкрашенными голубой краской. Оконные рамы гармонировали с такими же голубыми лавочками, расставленными вдоль берега.

Наша маленькая компания покинула транспорт. Я с удовольствием размяла затёкшие ноги и подставила лицо уже по-осеннему прохладному солнцу.

Воздух здесь можно было пить, таким густым он казался. Во рту появился привкус соли и горьких трав, высохших за жаркое лето. За разноцветными крышами выбеленных домиков, что тянулись вдоль кромки моря, можно было рассмотреть уже пожелтевшие верхушки гор, плотно укрытых ковром леса.

Люди вокруг спешили, налетали друг на друга, тащили свою поклажу и придерживали за локти спутников. Я вертела головой, пытаюсь рассмотреть всех сразу. Исследователь из Тимберии скрылся в толпе, махнув на прощание широкими полами своего плаща. Купец Роллу принялся вытаскивать мешки, за которыми его едва было видно.

— Это и есть консульство Нуотолиниса? — замороженно спросила я у сонного барда, боком вываливающегося из дилижанса.

На щеке музыканта остался красный отпечаток доски. Прохожий задел его тяжёлым чемоданом, и Виртуоз недовольно поморщился:

— О нет, Юна, это только вокзал.

— Вокзал? — переспросила я.

Мужчина посмотрел на меня строгим помятым взглядом.

— Непросто тебе придётся, если ты даже о вокзалах никогда не слышала, — заключил музыкант. — У вас в Фарелби это называют «транспортным перекрёстком». Но только вокзал — ах! — совершенно особое место. Здесь витает волнующая атмосфера прощаний и встреч! Здесь души горят в предвкушении дорожных приключений! Здесь сердца бьются в такт под стук колёс дилижансов, которые сводят вместе и навсегда разлучают любимых, родственников и друзей!

Рядом упал очередной набитый мешок, взметнув небольшое облачко пыли и шелухи.

— Здесь витают воробьи и карманные воришки, лу-лу. — Рудвик устало вытер пот со лба и смачно спянул.

Виртуоза Мелироанского это не смутило, но пробегающие мимо пассажиры брезгливо обошли нас стороной.

— О муза, у меня наклёвывается баллада! Послушай, ты станешь свидетельницей рождения шедевра! — По ладоням стихоплёта снова забегали солнечные струйки, перетекающие на его инструмент.

— Мне пора бы идти в консульство... — попятилась я.

Но бард, игнорируя мои протесты и скептический взгляд пузатого рудвика, продолжавшего разгружать мешки, запел:

*Покинь свои холмы, умчавшись в даль чужую,
И юность догорит с последним летним днём.
Ведь Красная Луна тебя теперь целует,
Ведёт сквозь страх и боль своим ночным путём.*

Звучало и правда очень здорово, я заслушалась. Мелодия показала мне смутно знакомой: было в мотиве что-то близкое, задевающее сокровенные мысли. Длинные мужские пальцы ловко перебирали струны лютни и щедро освещали их магией, будто смазывали золотистым маслом.

Весёлая компания молодых людей остановилась возле нас и нестройно захлопала в ладоши.

— Это самые отвратительные стихи, которые я слышал, лулу, — снова сплкнул рудвик, чем отпугнул случайных слушателей. — Ваше консульство, девушка, вон там.

Он махнул в сторону самого высокого светлого дома, которое, как почти весь Нуотолинис, возвышалось над морем вдоль берега.

— Спасибо, — поблагодарила я и двинулась в указанном направлении.

Идти сквозь толпу оказалось не так просто. Мне приходилось всё время быть настороже, чтобы ни в кого не врезаться, и это здорово нервировало. К тому же Роллу предупредил о карманниках, поэтому свою сумку я крепко прижала к себе. Красть у меня было особо нечего, но всё же не хотелось давать возможность воришкам это проверить.

Виртуоз Мелироанский последовал за мной. Он никак не умолкал.

Вокзал в лучах горит, как белый отблеск солнца,

Но ярче белизны сияешь светом ты.

Судьбою сплетена та нить, что не порвётся,

Что проведёт тебя сквозь ужас темноты.

— Ужас темноты? — скривилась я.

— Ты тоже не уверена в последней строчке? — обрадовался музыкант.

Он снова привлёк внимание, на этот раз — пушистой семейки рудвиков, обвешанных коробками. Судя по взглядам, их, как и меня, интересовала не столько мелодия, сколько магия, переливающаяся в пальцах музыканта.

— Как и во всей балладе, если честно. — Я обошла рудвиков, преградивших нам дорогу.

— Это потому, что ты не чувствуешь музыку! — Бард ловко двигался за мной, тренькая уже приевшийся мотивчик.

Пара скучающих зевак увязалась за нами, надеясь услышать продолжение баллады, так что со стороны компания выглядела настоящей процессией со мной во главе. Мы шли вдоль берега, и нам навстречу попадались самые разные прохожие. Я с удивлением рассматривала всех, стараясь оторваться от поющего преследователя или хотя бы сделать вид, что мы не имеем друг к другу ни малейшего отношения.

Дорога здесь была покрыта каменными плитками, плотно пригнанными друг к другу. По ней бесконечным потоком лилась

толпа. Яркие и дорогие ткани перемешивались с грязными лохмотьями. Кто-то нёс под мышкой связку пергаментов, кто-то катил тележку, кто-то просто шёл, устремив взгляд себе под ноги.

Удивительно, но люди практически не смотрели друг на друга. В Фарелби все стремились встретиться взглядом с идущим навстречу, улыбнуться другу или погрозить недругу, а тут пешеходы прятали глаза, желая раствориться среди толпы. Они как будто хотели сказать: «Нет-нет, я не с вами, меня здесь нет, я совсем в другом месте». Лишь редкие влюблённые парочки нарушали это правило одиночества, обмениваясь взглядами. Остальные были невероятно заняты собой: моряки в голубых фуражках транспортных компаний, богато одетые купцы, престарелые леди с искусно уложенными волосами, деловые рудвики в смешных шапках — все находились в непрерывной суете, но как бы отдельно друг от друга.

Море шумело за низенькой деревянной оградой, выкрашенной в ярко-голубой цвет. Запах его переплетался с ароматами еды, доносящимися от лотков с выпечкой и рыбой. Я такую не знала: рыбы тушки были совсем мелкие, обжаренные до золотистой корочки. Должно быть, морской улов.

Бард, заметив мою заинтересованность, вынул чёрный бархатный мешочек, с виду весьма увесистый, и отсыпал пару монет загорелой белозубой женщине с лотком. Подхватил несколько рыбёшек и протянул мне. Желудок радостно заурчал, напомнив о том, что, кроме морковки, у меня с утра во рту ничего не было. Но я отказалась. Не хотелось второй раз за день питаться за чужой счёт.

— Балабулька, — самодовольно пояснил музыкант. — Местный деликатес. Ты обязана её попробовать, я угощаю!

Я молча шла дальше, стараясь игнорировать его настойчивость.

— О, милая леди, молю вас, не откажите принять скромный дар простого барда! — Виртуоз молитвенно сложил руки. — Ваш отказ погубит меня! К тому же я неплохо заработал на пьянчужках вашего Фарелби. Удивительно щедрые люди!

Он снова поднял лютню и продолжил балладу:

— *Прими же дар небес и сделай шаг тревожный
К тому, что ждёт тебя на сумрачном пути.
Там сказка станет былью, а правда — сладкой ложью,
Позволь с тобою вместе отныне мне идти.*

— Если не позволю, ты ведь всё равно не отстанешь? — вздохнула я.

— Не отстану! — Бард снова протянул мне рыбу. — Но замолчу, если согласишься принять балабульку. Наслаждайся жизнью, Юна, когда она сама протягивает тебе угощения!

Я засмеялась и взяла еду. Тем более что есть мне и правда хотелось.

Рыбка оказалась вкусной, с мелкими мягкими костями. Поначалу я пыталась вытаскивать их, но заниматься этим на ходу было неудобно, и я оставила эту затею.

Ближе к консульству ограда закончилась, и дорога прильнула к открытому берегу, покрытому мелким серым песком. Прямо на песке сидели и лежали полуголые люди. Несмотря на довольно прохладную погоду, некоторые купались в море. Женщины заходили в воду в тонких нижних рубашках, не прикрывающих даже колени, а мужчины... мужчины плавали в странных коротких панталонах. И всё. Я старалась рассматривать их боковым зрением, не поворачивая головы.

— О, утончённая Нарцина! — вскрикнул Виртуоз, сворачивая с дороги в сторону моря.

Его жёлтые сапоги по щиколотку утопали в песке, оттого походка барда казалась нетвёрдой. Он направился к выходявшей из моря молодой девушке, очень красивой, с пышными формами, округлыми бёдрами и тонкой талией. Её белые пухлые руки украшали браслеты из мелких ракушек. Мокрые светлые волосы прилипли к плечам и блестели на солнце.

— Мелира Иверийская, вы живы! — почти пропел Виртуоз, приближаясь к девушке. — Как долго я вас искал!

Девушка довольно улыбнулась и расправила плечи, охотно продемонстрировав выдающийся бюст. Мокрая ткань прилипла к телу, отчего оно выглядело обнажённым. Мне показалось это ужасно неприличным, но Виртуоз остался доволен.

— О лин де шер, настоящая Арфандита! — воскликнул бард.

— Кто така Арфандита? — не поняла девушка.

Я тоже не поняла и даже немного притормозила, желая услышать ответ.

— Хороший вопрос! Я уже чувствую, что вы находите во мне гения! — обрадовался Виртуоз. — Я создаю новую мифологию мира, это необычайно смелое решение. Позвольте проводить вас и поведать о богах и смертных, любви и ревности, предательстве

и страсти! И о падении нравов... возможно, я сам это вам красноречиво проиллюстрирую.

Виртуоз Мелироанский изящно поклонился, вынул из кармана красное яблоко и протянул своей новой музе. Я заметила, что музыкант подкармливает всех барышень, к которым проявляет интерес. Надо сказать, такой способ обольщения был довольно действенным.

— Кто така мифология? — спросила девушка, вгрызаясь в яблоко.

Сок спелого фрукта потёк по её подбородку. Виртуоз пришёл от этого в совершенный восторг.

— Нет, ну точно Арфандита! — не унимался он, игнорируя вопрос.

«Кто такая» мифология, я знала, поэтому ускорила шаг, пока внимание моего поэтического спутника отвлёт кто-то другой. Тем более что идти оставалось немного. Я уже видела деревянную дверь входа, что выделялась среди высоких стен консульства, словно кусочек летнего неба среди облаков.

Вблизи дверь оказалась не такой уж привлекательной: краска вокруг ручки засалилась и потемнела, а внизу и вовсе потрескалась. Кто-то повесил ниточку рябиновых бус прямо на ручку, по древней осенней традиции привлекая милость богов к обитателям и посетителям. Я толкнула скрипучую створку и очутилась в небольшом пустом помещении, напоминающем каменный коридор.

Здесь было гораздо прохладнее, чем снаружи. И гораздо тише. Шум толпы и плеск моря остались за дверью, не проникая внутрь сквозь плотные стены. На другом конце коридора возвышалась странная арка, исписанная незнакомыми мне символами, по которым пробегал фиолетовый огонёк. Несколько минут я не двигалась, заворожённая этим зрелищем, а потом начала оглядываться.

Рядом с аркой на мраморной тумбе я заметила небольшой прозрачный шар. В строгом бежевом убранстве здания он казался лишним, словно какая-то заезжая шарлатанка-гадалка забыла тут свой «магический» артефакт. Особую напыщенность стеклянной сфере придавало то, что тумба под ним была покрыта бархатным полотном с золотыми кистями по углам и вышитой в центре иверийской короной. Я осторожно приблизилась и потрогала стекло пальцем. Ничего не произошло. Тогда я осмелела и уложила на прозрачную поверхность всю ладонь. Шар не издавал звуков, не светился, не нагревался, не звал на помощь. Для верности я взя-

ла его в руки — он оказался ужасно тяжёлым — и потрясла. Если эта штука и работала, то явно не так.

Я поставила шар на место и заглянула в арку, надеясь спросить у кого-нибудь, что нужно делать. Вдоль гладких бежевых стен расположилось несколько письменных столов, за которыми сидели работники в бордовых одеждах, к которым были приколоты броши в виде весов. Весы различались размером и цветом: одни блестели, отражая мягкий рассеянный свет, другие были тусклыми и серыми. У столов в задумчивости и растерянности бродили посетители, полушёпотом переговариваясь с работниками.

Я ещё немного помялась, рассматривая людей по ту сторону арки, но меня никто так и не заметил. Набравшись смелости, чтобы зайти без приглашения, я почти шагнула в арку, но сзади скрипнула входная дверь, и я замерла.

В пустой прохладный коридор вошёл вооружённый человек. Выглядел он так, как будто прямо сейчас собирался сразиться с целым войском. От удивления я раскрыла рот и только спустя несколько секунд наконец закрыла, пристально разглядывая молодого мужчину.

Помимо меча в ножнах, свисающих с пояса, по всему его телу на кожаных ремешках были закреплены ножи и кинжалы. Длинный плащ был застёгнут на три узких ремня, на отвёрнутых алых лацканах красовались символы Иверийской династии, точь-в-точь такие же, как на моих часиках. Золотую корону можно было заметить и на мягких бордовых перчатках, скрывающих его руки. Нижнюю половину лица незнакомца закрывал высокий чёрный воротник, образующий подобие полумаски.

Я боязливо вжалась в стену, пропуская опасного посетителя. Молодой человек едва мазнул по мне взглядом и уверенным шагом прошёл мимо, прямо под мигающие огоньки. На миг его тело вспыхнуло оранжевой искрящейся оболочкой, которая тут же исчезла. Выглядело это по-настоящему магически. Здраво рассудив, что никакого приглашения мне не нужно, я отлепилась от стены и попыталась войти в арку следом, но меня с силой вытолкнули оттуда. Я отлетела на несколько метров, едва устояв на ногах.

— Ты с ума сошла?! — гневно закричал незнакомец, проворно выныривая из арки.

Я потрясла головой, приходя в чувства, и отступила к выходу. Разговаривать с ним не хотелось, тем более я не знала, что ответить.

— Если хочешь покончить с собой, есть ещё сотня способов! Не обязательно делать из своей смерти представление! — Он нервно взъерошил волосы и выдохнул сквозь зубы.

В животе неприятно заурчало от страха. «Чёрная маска» смотрел тёмным вороньим взглядом так, будто я уже была трупом, а он — голодным падальщиком. Чудилось, что передо мной не человек вовсе, а порождение бездны, ожившее воплощение кошмара. Ужас скользнул ледяной змеей по спине и скрутился комом в груди.

Я отступила ещё на шаг и сжала кулаки.

— Ты вообще понимаешь, что я говорю? — спросил он, окидывая меня скептическим взглядом.

— Понимаю, — осторожно ответила я, готовая бежать.

«Чёрная маска» облегчённо выдохнул. Он больше не наступал на меня, не кричал, лишь недовольно фыркнул. Совсем по-человечески, как живой молодой парень. Должно быть, какой-то военнотрудовой, судя по бесконечным символам Квертинда на одежде.

— Если ты местная, зачем полезла в охранную арку без пропуска? — поинтересовался мой новый собеседник.

— Я не знала, что она охранная. То есть подозревала, что арка магическая, но как попасть внутрь, нигде не написано...

— Ты с Красной Луны свалилась?!

Рыжие, как осенняя листва, волосы упали ему на глаза, и он откинул их затянутой в перчатку рукой.

— Я никогда не выезжала из своего городка.

Мне стало неловко, и я опустила взгляд. Вспомнились слова барда о том, что будет непросто. Первое испытание взрослой жизни я едва с треском не провалила и теперь боролась с искушением сбежать обратно к своему озеру.

— Зачем же тогда выехала? — Незнакомец прищурился, внимательно меня рассматривая.

Маску он так и не опустил, но подошёл ближе. От него повеяло табаком, но не таким, который курил мой отец, с примесью острого аромата сушёных фруктов. Запах сделал этого увешанного сталью молодого мужчину более реальным для меня. И менее опасным.

— Кирмоса лин де Блайта убить! — неожиданно для себя выпалила я.

И тут же осеклась. Возможно, не стоило рассчитывать на наличие у военнослужащего чувства юмора. Выглядел он очень серьёзно, в тёмных глазах не было ни капли смеха. Меня всё ещё потряхивало, но я расправила плечи, намереваясь посмеяться в лицо опасности.

— Ха-ха, — без капли веселья произнёс он. — И в качестве первого шага решила устроить самосожжение в консульстве Ну-отолиниса? В чём заключался твой план?

— У меня нет плана... но всё не так плохо! — приободрила я не то его, не то себя. — Со мной мой лук, отцовские наставления и... внутренний свет, если верить барду. — Пришлось улыбнуться как можно любезнее: — Я что-нибудь придумаю!

— Что ж, — насмешливо развёл руками боец, — тогда прости, что помешал твоему самоубийству. Вперёд, выпусти свой внутренний свет, вспыхни факелом на всё консульство. — Он отошёл к арке и приглашающе кивнул под охранный свод. — Возможно, Кирмос лин де Блайт даже услышит о тебе, когда уборщица будет сметать пепел с порога.

— Эту часть можно пропустить, — ещё шире улыбнулась я, стараясь не выдавать боязливое замешательство. — Лучше покажи мне, как попасть внутрь без ущерба для себя и окружающих.

«Чёрная маска», не отрывая от меня взгляда, громко шлёпнула ладонью по прозрачному шару на тумбе. В его центре моментально сошлись крохотные оранжевые и красные молнии, тянущиеся от пальцев молодого человека. Эта яркая смесь напоминала танцующее пламя.

— Детерминант Шарля, — как бы подтверждая очевидное, поведал он. — Только не говори, что ты его не заметила. Возле этой толмундовой арки вообще ничего больше нет.

Должно быть, моя наглость сработала, раз уж этот высокомерный боец снизошел до объяснений. Посмеяться в лицо опасности — хорошая идея!

— Как же, заметила, — кивнула я, ободрённая маленькой победой. — Только на меня ваш капризный пузырь не реагирует.

— Детерминант, — поправил парень. — Он не может не реагировать.

Я подошла к шару и в точности повторила недавний жест этого зазнайки: глядя ему в глаза, с силой шлёпнула ладонью по детерминанту. Но потом всё-таки не выдержала и перевела взгляд — вдруг

заработало? Увы, шар по-прежнему оставался пустым и равнодушным к моим прикосновениям.

— Странно, — уже менее надуту заключил мой собеседник. — Вообще-то в Нуотолинисе сильные свирь-артефактники, они ошибок не допускают.

Несколько секунд мы оба молча смотрели на пустой детерминант, пока из арки не вышла женщина в бордовом платье с консульской брошью в виде весов. В руке она держала небольшой кружочек пергамента.

— Пропуск для посетителя, магия склонности Толмунда третьего порядка и магия склонности Омена четвёртого порядка, — сообщила женщина и с недоумением уставилась на прозрачный шар под моей ладонью.

Я быстро отдёрнула руку, как будто пустой детерминант Шарля меня как-то порочил.

— Это для неё. — Парень взял пергамент из рук женщины, хлопнул меня им по спине и втокнул в охранную арку.

Между лопаток резко стало горячо. Потом меня охватило свечение, подобное тому, которое я недавно видела на входящем сюда консуле. И в один миг аура исчезла, а со спины посыпался пепел от пергамента.

— А мог бы быть и твой пепел, — шепнул над ухом военный маг, входя следом. — Арка работает только на вход, так что выходить можешь смело.

— Спасибо, — так же шёпотом ответила я.

— Добро пожаловать в консульство Нуотолиниса! — донесся откуда-то сбоку громкий голос, от которого я невольно подпрыгнула. — До совета консульства осталось сто пять дней, девятнадцать часов и тридцать девять минут.

Девушка, сообщившая мне эту наверняка важную информацию, приветливо улыбалась. Я улыбнулась ей в ответ, но про себя заключила, что это не я тут свалилась с Луны.

Пока мы с говорящими часами обменивались любезностями, мой проводник куда-то исчез. Я поискала парня взглядом, но среди посетителей и работников его не было. Зато на глаза мне попался стол с надписью «Информация», и я приободрилась. Хорошо хоть здесь были хоть какие-то надписи. Я подошла к очередной бордовой фигуре, чтобы задать вопрос, но женщина по ту сторону стола заговорила первой.

— Жалоба на соседей, прошение Великому консулу, получение лицензии на торговлю, регистрация артефактов из Тимберии, расторжение брака, заявка на запрещённые ритуалы кровавой магии? — монотонно пробубнила она.

— Эм... мне бы фамильный пергамент получить, — обозначила я цель своего визита.

— Миночка! — неожиданно громко вскричала женщина, привлекая всеобщее внимание.

— Простите, но я не Миночка. Меня зовут Юна Горст...

— Миночка! — ещё громче завопила работница.

Мое мнение тут определённо игнорировали. Со всех сторон на меня уставились недовольные взгляды, как будто это я была нарушительницей тишины.

— А-а? — раздалось откуда-то из глубины здания.

Видимо, там обитала Миночка. Сейчас она казалась мне спасительницей.

— Тут к тебе потеряшка! — выкрикнула женщина.

— Пропускай, — разрешил далёкий глухой голос.

— Первая дверь по коридору, — уже спокойней объяснила любительница покрывать.

Я буквально отлетела от стола информации и двинулась по направлению к первой двери. Та нашлась сразу в одном из нешироких светлокаменных коридоров, похожих на тот, что встретил меня при входе. Надпись гласила: «Архив».

Дверь в архив была приоткрыта, и я протиснулась внутрь. Прямо у входа стоял стол, за которым сидела работница консульства в неизменной бордовой мантии. Рядом с ней возвышалась уже изрядно потёкшая свечка — единственный источник освещения, которого явно было недостаточно.

Когда мои глаза немного привыкли к темноте, я смогла рассмотреть обладательницу глухого голоса, весьма упитанную и довольную жизнью женщину. Блики света играли на золочёной брошке и половинках очков, сквозь которые меня рассматривали крохотные глазки. За спиной у Миночки располагалось два длинных ряда стеллажей со свитками. В самом конце этого коридора, у дальней стены, на подставке стояла громадная книга жутковатого вида.

— Процедуру поиска истинного фамильного пергамента уже проходили когда-нибудь? — как и все остальные работники, без приветствия начала разговор Миночка.

— Не проходила, — призналась я.

— Встаёте за моей спиной и проходите между рядами до стены и обратно, — заученно пояснила женщина. — Увидите свечение — поздравляю, вы нашли свой пергамент.

— А если не увижу? — Я привстала на носочки, чтобы лучше разглядеть тугие свёртки.

Все полки были забиты пожелтевшими свитками разной толщины и ветхости. На каждом темнела консульская печать в виде весов.

— А если не увидите — значит, не нашли, — фыркнула хранительница архива. — Вообще-то истинный пергамент светится в десяти шагах от хозяина. Так что в ближайшей половине стеллажей вашего точно нет.

Должно быть, у Миночки открылись глаза на затылке, иначе объяснить её уверенность было невозможно.

Я обошла стол и медленно двинулась между рядов. Истинные фамильные пергаменты стояли в ряд, повёрнутые печатями к проходу. Огромное количество человеческих судеб, которые были просто потеряны. Хозяева так и не пришли за ними. Многие четвертинцы доживали до глубокой старости и умирали, ни разу не столкнувшись с необходимостью подтвердить свою личность.

Я настороженно осматривалась, пытаюсь найти свой свиток, но, к сожалению, меня не признал ни один.

Миночка развернулась на стуле и выжидающе глазела на меня из-под очков.

Вдруг один фамильный пергамент изменился. Моё сердце упало в пятки: не может быть! Я подошла к свёртку, который не светился, а просто казался алым, будто раскалённым. Неужели это мой истинный фамильный пергамент? Там наверняка есть сведения о моей матери... Я осторожно взяла его — он оказался и вправду горячим. Свиток вспыхнул у меня в руках и мгновенно рассыпался пеплом, оседающим на светлый пол консульства.

— Нет! — прокричала я, опускаясь на колени.

Я пыталась сгрести пепел. Скорее, машинально, потому что пергамент был безвозвратно утерян.

— Ну не надо так убиваться, детка, — ко мне подошла Миночка с веником и совком. — Люди умирают каждый день.

— Но я же всё ещё дышу! — возразила я.

— Конечно, дышишь. А он, — служащая указала на кучку пепла, — уже точно нет. Да примет Девейна его в свои сады. Ну или её.

— То есть это был не мой пергамент? — сообразила я.

— Определённо, нет, — цокнула языком Миночка. — Что ж, если процедура поиска истинного фамильного пергамента закончена, предлагаю перейти к созданию обыкновенного.

У нас на глазах, можно сказать, только что умер человек, а эта бесчувственная женщина просто сгребает его биографию в мусорный совок! Как... бесчеловечно!

Бордовая служащая же, управившись с горкой пепла, уже тащила здоровенную книгу с резной подставки у стены. На обложке, в самой середине замысловатого вензельного круга, возвышалось человеческое лицо. Точнее сказать, маска. Как будто на голову надели дамский чулок, как делали мы с Лонимом, но забыли сделать прорезы для глаз и рта. Присмотревшись, я с ужасом заметила, что лицо на книге... дышит! Натянутая ткань слегка подрагивала в такт дыханию.

По коже пробежали мурашки. Неужели это живое существо?

Миночка равнодушно бросила книгу на стол, подняв в воздух клубы пыли, и принялась вытаскивать из нижних ящиков приспособления для изготовления фамильного пергамента. Главным был, конечно же, сам лист пергамента.

— Откройте персонагвир и достигнете телесного контакта с его внутренней поверхностью, — будничным тоном потребовала Миночка.

Моё прикосновение не вызвало у дышащей книги никакой реакции. Видимо, она и была персонагвиром. Судя по тому, что служащая не возмутилась, когда я начала её открывать, догадка была верной.

Достигнуть телесного контакта... Интересно, как? Для начала я сделала как с детерминантом: просто положила на пустую страницу книги ладонь. И вновь ничего не произошло! У них здесь, Толмунд их раздери, все артефакты сломанные? Или телесный контакт плохо достигнут?

— Мне что, нужно раздеться? — уточнила я.

— Ну ты ж не в королевы собралась, — грязно хихикнула Миночка. И спросила: — Имя?

— Юна Горст.

О чудо!

Наконец-то я убедилась, что не все магические предметы меня игнорируют. Страницы книги вдруг наполнились мягким золотистым свечением. Они переливались, вспыхивая и угасая, словно тысячи крохотных светлячков. Впервые за время пребывания в этом

ужасном месте я приободрилась. Миночка, кинув равнодушный взгляд на персонагвир, начала заполнять мой будущий фамильный пергамент.

— Возраст?

— Семнадцать краснолунных лет.

— Мелковата ты что-то, — с сомнением покосилась она. — Нужно подтверждение родителей.

— Они умерли. — Я пожалала плечами. — Мать уже давно, а отец — совсем недавно.

Миночка сделала недовольное лицо, но вносить данные не прекратила.

— Род занятий? — продолжила допрос служащая.

— Эээ... рыболов.

— Безработная. — Перо скрипело по моему фамильному пергаменту, не оставляя шансов на споры. — Родители?

— Отец — Кем Горст, рыболов. Мать — Тезария Горст, она... — Я замешкалась, косясь на персонагвир. — В общем, не знаю, кем она была.

Это было почти правдой. Вряд ли в фамильный пергамент стоит вносить то, что моя мать сидела в Зандагате и погибла от руки одного из нынешних консулов-наместников.

— Безработные, — снова определила Миночка, продолжая ровным почерком выводить текст. — Титулы? Документы на наследство и владения? — Она обмакнула перо в чернила и выжидающе уставилась на меня.

Документов на владение рыбацким домиком у меня, конечно же, не было. За всю мою жизнь меня никто не пытался оттуда выселить. Дом построил отец и вряд ли как-то его регистрировал.

— Не имеется, — с грустью выдохнула я.

— Бездомная. — Очередной вывод докучливой работницы был внесён в мой пергамент. — Образование?

— Мне только семнадцать, я еду поступать в академию...

— Необразованная, — отрезала Миночка.

Меня это уже начинало порядком раздражать. Неужели в обязанности работников консульства входит вызывать в людях стойкую неприязнь? Все местные бордовые мантии только этим и занимались, стоило мне войти в их обитель. Включая того рыжего нахала, обозвавшего меня сумасшедшей из-за неработающего детерминанта.

— Особых примечаний, как я понимаю, тоже не имеется? — скорее утвердила, чем спросила моя мучительница.

— Не имеется, — согласилась я.

— В таком случае ждите за дверью. — Миночка кивнула мне за спину. — Тайна магии затворения фамильного пергамента, сами понимаете.

Я не понимала, но в любом случае мне хотелось поскорее покинуть этот дом равнодушия. Как только я убрала руку с персонагвира, он погас и превратился в обычную книгу, только увесистую. Я повернулась и направилась к выходу.

— А персонагвир за вас кто закрывать будет? — прилетело мне в спину.

Я подошла к книге и с такой силой захлопнула её, что клубы пыли полетели прямо в лицо работнице архива. Маска на поверхности персонагвира никак не отреагировала, продолжая мерно дышать, а вот Миночка подпрыгнула от неожиданности, закашлялась и с возмущением уставилась на меня. Я отвернулась и вышла из помещения, довольная хотя бы тем, что теперь ей придётся протирать очки.

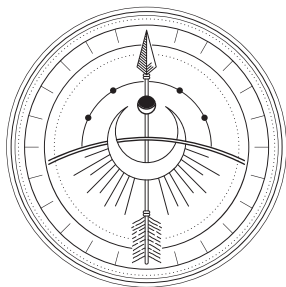
На часах, висящих напротив архива, было почти шесть вечера. Я сравнила их время с тем, что показывали мои маленькие часы с иверийской короной. Как и говорил господин Рилекс, они спешили ровно на пять минут.

Ждать пришлось недолго. Вскоре мне вынесли фамильный пергамент и буквально швырнули в лицо. Кажется, Миночка была недовольна. Я ловко поймала свёрток — благо с ловкостью у меня было получше, чем со знанием консульских требований.

Фамильный пергамент оказался обычным листом скрученной бумаги, без какого-либо свечения, покраснения или других отличительных магических признаков. Скреплён он был на первый взгляд обычной сургучной печатью с весами консульства.

Жаль, я не могла прочесть, что же всё-таки обо мне написала доблестная сотрудница в бордовом. Может, добавила что-то вроде «безумная, бестолковая, безнравственная» и ещё пару сотен всяких «без». Проверить было невозможно: документ запечатывало заклятие, снять которое мог только работник консульства.

Вздохнув с сожалением, я уложила фамильный пергамент на дно своей дорожной сумки, прикрыла вещами и двинулась в сторону выхода.

ГЛАВА 4

МЕНТОР СЕРЕБРИСТОЙ ЛИЛИИ

На такой большой пристани, как Нуотолинис, стояло не менее десятка крупных кораблей и ещё столько же малых парусников. В глаза бросалась пара боевых галеонов, заслонявших огромными парусами вечерний свет. Пузатые пушки по обеим сторонам палуб важно темнели начищенными дулами, бордовые стяги с иверийскими коронами реяли на фоне закатного неба. Но большинство кораблей были торговыми шхунами с самыми разными флагами и названиями на бортах. Попадались и длинные пассажирские корабли с голубыми парусами транспортной компании Квертинда. Они прижимались к береговой линии, загруженные товарами и людьми, снующими туда-сюда по деревянным трапам.

Первый день осени выдался по-летнему тёплым, даже жарким. Сегодня начинался новый календарный год, что насчитывал ровно четыреста двенадцать дней вплоть до следующей мистической ночи. Привычная жизнь квертиндцев не менялась, но было в начале нового краснолунного периода что-то волшебное. Вместе с первыми падающими листьями в солёном морском воздухе кружилось обещание новой жизни и новых надежд. Во всяком случае, именно так пах для меня первый день Красной Луны двести девятого года.

Рудвики на пристани лениво ворочали мелкие тюки, бочки и ящики, но больше отдыхали в тени парусов. Моряки и торговцы громко спорили, позвякивая монетами в мешочках и размахивая кулаками. Крепкая ругань перемешивалась с прощальными всхлипами и радостными возгласами. Маленькая чумазая девчужка

прыгала по доскам пристани и громко предлагала самодельные рябиновые бусы морякам и торопливым прохожим.

Я сидела на ещё тёплом от дневного солнца каменном парапете и дожёвывала ароматную ватрушку. Сдобу я купила с булочного лотка, когда возвращалась из консульства. Ещё я успела приобрести билет на пассажирский корабль: эта бумага, хоть и изрядно уменьшила мои запасы лирн, давала мне право на койку в каюте судна, идущего в Кроуниц. Судно называлось «Фаворит Вейна». Вейн — бог ветра и свободы, поэтому название корабля под голубыми парусами должно было внушать пассажирам трепет. Мне же оно внушало трепет по другой причине: это моё первое большое путешествие, которое в итоге приведёт меня в Кроуницкую Королевскую академию. Именно там мне предстояло стать обученным магом.

Я наблюдала, как пассажиры по очереди затаскивают по тонким доскам свою поклажу на борт судна. Ветер трепал паруса, подхватывая слегка пожелтевшие листья, кружил их над влажной от брызг пристанью и уносил в море. Я раскрошила остатки сдобы и кинула голодным чайкам. Птицы окружили меня, ожидая продолжения ужина, но я только рассмеялась в ответ на их громкие требования.

Вдруг мой слух уловил знакомый звук приближающегося дилижанса: чух-чух-чух. Здесь не проходило транспортных путей, вокзал был далеко, поэтому я обернулась. На пристань действительно выехал дилижанс, привлекая всеобщее внимание. Паровая карета сделала круг вдоль берега и остановилась прямо возле пирса. Новенький, идеально белый, украшенный металлическими цветами транспорт казался настоящим творением магов искусства. Возможно, таковым он и являлся. Окна изнутри были завешены кружевной тканью, так что разглядеть пассажиров не представлялось возможным.

Долго оставаться в неведении мне не пришлось: из дилижанса показалась тонкая дамская ладошка. Извозчик проворно спрыгнул вниз и подал руку. Вслед за тонкой ладошкой явилась и её хозяйка — высокая женщина в красивом платье, с аккуратными уложенными волосами. Она равнодушно окинула взглядом пристань и поправила одежду. На шее женщины виднелась серебристая татуировка в виде лилии. Даже массивное ожерелье не могло отвлечь взгляд от этого рисунка. Дама обернулась и поманила свою спутницу, которая уже высунулась из дилижанса. Это была

молодая девушка с пухлыми щёчками, в дорожном платье цвета кондитерского крема, с мелкими пружинками пшеничных волос у лица. У неё была изящная фигура, затянутая в корсет, и точно такая же серебристая татуировка на тонкой шейке, как у её матери. Они были очень похожи.

Леди чинно прошествовали по берегу, простучали каблучками по мокрым доскам длинного пирса и взошли на корабль. Тот самый, на котором собиралась путешествовать и я. Следом засеменяла пара рудвиков, перетаскивая из белого дилижанса десятки круглых и квадратных коробок. Капитан «Фаворита Вейна» отвесил двум серебристым лилиям неуклюжий приветственный поклон и принялся поторапливать остальных пассажиров, застывших с открытыми ртами. Я тоже закрыла рот, спрыгнула с тёплой ограды, разгоняя кричащих птиц, и направилась к трапу.

Я была последним пассажиром, поднявшимся по деревянной лестнице. Как только я ступила на палубу, капитан отдал последние распоряжения, и «Фаворит Вейна» отчалил от пирса под дружное «ах». Люди заулыбались друг другу, прильнули к ограждениям и начали махать тем, кто остался на берегу. Я с удовольствием присоединилась, поддавшись всеобщей радости. Меня никто не провожал, я не знала ни одного человека по ту сторону борта, но громко хохотала и выкрикивала «До свидания!», прощаясь с родным мне краем. Люди на берегу хлопали в ладоши и кидали нам вслед ниточки рябиновых бус — на удачу. Вернусь ли я когда-нибудь? Я не знала. Так же, как и не знала, что ждёт меня впереди.

Нутолинис удалялся сначала быстро, а потом всё медленнее, позволяя нам насладиться видом прибрежного города. Чайки кружили над шпилями мачт, противно и протяжно крича. Низкие домики утопали в тронутой осенью зелени, мерцающая редкими огоньками окон. Отсюда ещё можно было различить высокое здание консульства, остальные же в темноте вечерних сумерек казались просто размытыми светлыми пятнами. За густыми деревьями береговой линии возвышался бурый хребет Галиофских утёсов, покрытых редкой растительностью.

Весёлый переполох прощания схлынул, пассажиры отошли от борта и разбрелись по своим каютам. А я всё всматривалась в удаляющийся маленький город, но теперь уже одна. В моём приподнятом настроении, словно клякса на мокром листе пергамента, растворилась грусть. Тоскливое чувство напомнило о том, насколько я одинока. В мире нет больше ни одного человека, ко-

торому была бы небезразлична Юна Горст. В Фарелби остался дом и добрые соседи, а в северном Кроунице меня ждала пугающая неизвестность и безразличный холод. Лирн на обратную дорогу уже не хватало, так передумать и вернуться я могла в лучшем случае в ближайшие полчаса. Спрыгнуть с корабля, вплавь добраться до Нуотолиниса, а там вечерним дилижансом отправиться в Фарелби, к уютному покою маленького озера... Я крепче сжала ручки, удерживая себя на этом судне. Назад пути не было.

— Здравствуйте, — звонкий голосок выдернул меня из водоворота мыслей.

Та самая молодая девушка с цветочной татуировкой подошла и положила руки на поручень рядом со мной. Я покосилась на неё с подозрением.

— Вы путешествуете в одиночестве? — Девушка одарила меня дружелюбной улыбкой.

Мелкие брызги долетали до нас из-за фальшборта, и юная леди сморщила носик, что сделало её ещё более очаровательной.

— Я еду в Кроуницкую Королевскую академию, — осторожно ответила я. — Хочу стать студенткой.

— Надо же! — обрадовалась девушка. — Я тоже еду именно туда! Меня зовут леди Сирена Эстель. Мой отец, Эдмонд Эстель, владеет этими торговыми кораблями.

Она небрежно качнула головой в сторону исчезающих на горизонте парусов и протянула руку для знакомства. Тонкое кружево торчало из-под рукава её платья, почти полностью закрывая пальцы. В Фарелби редко знакомились, поскольку все знали друг друга почти с рождения, и поэтому навыком изящного рукопожатия я не владела. Но всё же отодвинула кружево и несильно пожала ладошку своей новой знакомой.

— Юна Горст, — представилась я. — Дочь рыбака из Фарелби.

— О-о-о, — звучно протянула девушка. — Не подумайте, что я высокомерна! Моя семья отличается прогрессивными взглядами. Мы не судим людей по их происхождению и одежде.

До этого момента я никогда не думала о том, что на мне надето. Обычно одежда защищала меня от холода, воды и хлестких веток в лесах возле озера. Сейчас же я огляделась и поняла, что мой пыльный дорожный плащ из холщовой ткани действительно придавал мне весьма потрёпанный вид. А на фоне добротного, сшитого по фигуре платья Сирены Эстель и вовсе выглядел лохмотьями.

— А по чему же тогда судите? — спросила я.

Сирена потупилась и смущённо хихикнула.

— Я не имела в виду, что судим, — запнулась девушка. — Просто решила, что вы переживаете из-за своей бедности. Но, несмотря на это, мы с вами можем подружиться!

Я не очень поняла, пыталась ли леди меня оскорбить или подержать, но решила поверить в её добрые намерения.

— На самом деле это здорово, — несмело предположила я. — Приобрести друга ещё до приезда в академию.

— Это действительно большое везение! — Девушка захолопала в ладоши, едва не подпрыгивая от волнения.

— А твоя мама не будет против нашей дружбы? — Я кивнула в сторону идущей к нам женщины.

Гордая леди неторопливо ступала по палубе в такт лёгкой качке. Я невольно залюбовалась роскошным платьем и причёской этой безупречной женщины. Даже стать её говорила о высоком происхождении: прямая осанка, плавная походка и вздёрнутый подбородок вселили в меня желание согнуться в изящном поклоне. Увы, кланяться я не умела и сейчас очень жалела об этом. Взрослая серебристая лилия настойчиво и неприятно сверлила меня взглядом. Выглядела она обеспокоенной.

— Дамна? — обернулась Сирена и снова сморщила носик: — Она мне не мать. Дамна — мой ментор. Разве ты не заметила знаки соединения?

— Ты про ваши лилии?

— Ну да. — Она коснулась татуировки на шеё и охотно пояснила: — Они означают, что мы связаны родовым закланием. Их нельзя вывести или замаскировать иллюзией. Эти лилии появились после ритуала кровавой магии и сделали меня зависимой, безвольной пленницей!

Девушка закатила глаза, когда леди приблизилась и недовольно покачала головой, услышав заявление о пленнице.

— Это очень древняя и могущественная магия, — вступила в беседу женщина. — И очень большая ответственность!

Речь её была столь же чёткой и безупречной, как и она сама. Сирена фыркнула. Кажется, появление взрослой спутницы вызвало у неё недовольство.

— Родители Сирены оказали мне большую честь, попросив стать её ментором. Мы с её матерью были лучшими подругами ещё с Мелироанской академии благородных дев. Теперь я обере-

гаю её дочь, наставляю, учу всем жизненным тонкостям, а иногда и манерам поведения. — Дамна строго сверкнула глазами в сторону Сирены. — Все важные решения о её будущем принимаю я. Даже ответственность перед консульством за её проступки лежит на мне.

— Занудство, — сморщила носик девушка.

— Нет, на самом деле это и правда интересно, — заметила я. — А как вы стали ментором?

Я и предположить не могла, что их татуировки — магические, поэтому охотно слушала пояснения женщины. Взгляд Дамны немного потеплел, и она слегка склонила голову набок.

— Обряд принятия менторства достаточно опасен. В основном из-за того, что требует магии кровавой стихии. Не каждая магическая память выдержит присоединение такой способности, и не каждый способен пройти обряд. Некоторые, увы, погибают после начала ритуала. Я несколько дней лежала без сознания, но в итоге всё-таки справилась, — с гордостью поведала леди и протянула руку: — Кстати, мы не представлены. Дамна лин де Торн.

— Юна Горст. — Я пожала руку женщине так же, как и недавно её ученице. — Хорошо, что вы справились. Наверняка этот обряд — тайна, что-то вроде затворения фамильного пергамента.

— Вообще-то такой тайны не существует, — удивилась Дамна. — Обычно фамильный пергамент запечатывают в любом месте и при его владельце. Нужен только представитель консульства, обладающий брошью и владеющий необходимым заклинанием.

Я вспомнила Миночку, которая выгнала меня из кабинета, сославшись на тайну затворения. Вот, значит, как... Вряд ли моё присутствие что-либо изменило бы, но мне стало обидно от того, что работница консульства воспользовалась моей наивностью.

— А что касается обряда принятия менторства, — продолжила Дамна, — то это тоже никакая не тайна. Как только сердце маленького существа начинает биться, родители могут выбрать для него ментора, наложив заклятие родовой магии на любого человека.

— Мама говорит, что любой уважающий себя аристократ должен обеспечить своего наследника кровным наставником, — пояснила Сирена. — Мне выбрали ментора ещё до рождения. Но знак соединения появился у меня только в девять, когда мы прошли обряд. До этого я была свободным ребёнком!

— Ты и сейчас свободна, Сирена, — возразила женщина. — И ты не представляешь, как выглядят действительно суровые менторы. Иногда мне кажется, что я слишком мягка с тобой.

— Я просто хотела подружиться с Юной! — прошипела Сирена. — Это нельзя сделать без присмотра?

— Прошу прощения, юные леди, что вмешалась в ваш разговор, но я должна проверять все новые знакомства своей мейлори. — Дамна строго сверкнула глазами в сторону своей ученицы. — Богатство вашего отца, леди Эстель, может привлечь к вам похитителей.

— Уж лучше похитители, чем надзиратель! — Девушка отвернулась.

Она нетерпеливо постукивала тиффелькой по палубе, обиженно поджав губы.

— Что ж, — вздохнула госпожа лин де Торн, — надеюсь, Юна Горст не причинит тебе вреда, иначе мне придётся её убить. На этом я оставляю вас, юные леди.

Я удивлённо вытаращилась вслед уходящему ментору. Трудно сказать, была ли это настоящая угроза или просто странная шутка, но спрашивать об этом Дамну лин де Торн наверняка было невежливо. В любом случае если я и собиралась кому-то причинить вред, то точно не Сирене. Несмотря на капризный характер, девушка мне сразу понравилась.

— Как тебе повезло, Юна, что ты путешествуешь одна! Никаких правил, никаких ограничений, свободна, как морской ветер. — Сирена зажмурилась и шумно вдохнула воздух. — Что может быть прекраснее, когда ты вольна в своих решениях и тебя не контролируют ни ментор, ни родители!

— Мои родители умерли. — Я тоже вдохнула аромат моря вместе с солёными брызгами. — И, знаешь, это не так уж прекрасно.

Кажется, за последнее время мне слишком часто приходилось это повторять. Сирена Эстель стусевалась, улыбка пропала с её лица. Мелкие капли защекотали нос, и я чихнула.

— Прими мои соболезнования. Должно быть, ты ужасно себя чувствуешь.

— Ничего, я это уже пережила.

Я замолчала, и мы обе уставились за горизонт. Нутолинис скрылся за кромкой моря, и путь назад мне был окончательно отрезан. Сумерки стужались всё сильнее, вода за бортом бурлила, пенилась, шумно плескалась о борта корабля. Если сейчас шагнуть

через перила, то эта беспокойная стихия поглотит меня. Вода наполнит мой рот, нос и лёгкие, и я перестану дышать. Умру и попаду в сады Девейны, где увижу свою маму. Она будет ждать меня у маленького домика, такая же красивая и гордая, как Дамна лин де Торн. Из-за её спины мне помашет отец, выдыхая горький дым из своей трубки. И мы впервые будем все вместе, настоящей семьёй...

— Ты тоже обожаешь Иверийскую династию? — Восторженный голос Сирены вновь оторвал меня от размышлений. Моя попутчица показывала на часы, которые мне подарил Ганс Рилекс.

К сожалению, я всё ещё дышала.

— Эмм... — Я загнулась, не уверенная в том, как же я всё-таки отношусь к Иверийской династии. — Не то чтобы обожаю. Это — подарок от дорогого мне человека.

— От твоего возлюбленного? — понимающе ухмыльнулась Сирена.

— Нет! — быстро выпалила я. — От одного часового мастера. Он мне... ну как ментор, только не ходит за мной хвостом.

— А вот я обожаю иверийцев! — с жаром продолжила леди Эстель. — Особенно Лауну. Ну и Мелиру, само собой. Она была самой великой правительницей. В Нуотолинисе есть приют для бездомных детей, который она построила. Моя мама и Дамна ежегодно жертвуют туда крупные суммы. Они рассказывали мне о Мелироане и его восхитительной академии. Там есть парк невероятных животных: чудные зверушки гуляют в нём, как у себя дома. Можешь представить — во дворе мелироанской академии можно встретить полосатого коня из Таххарии-Хан или настоящего тигра. Говорят, там живёт даже единорог! Ты любишь животных?

— Если честно, никогда об этом не думала, — смущённо ответила я.

Было неловко признаваться, что животных до этого момента я любила преимущественно в качестве рагу. В наших лесах водились дикие кабаны, зайцы и куропатки. Иногда можно было встретить бурого медведя, который в рагу не годился, но в любимчики и подавно.

— Ох, может, однажды мы с тобой попадём в Мелироанскую академию благородных дев, как моя мама и Дамна. В качестве гостей, разумеется, — не унималась Сирена. — Мелира основала эту академию вместе со своим мужем, велапольским принцем

Уилдрихом. Все иверийские принцессы выходили замуж только за велапольцев. Ну кроме Лауны. Я тоже мечтаю когда-нибудь выйти замуж за велапольского принца, как несравненная Мелира!

Энтузиазма Сирены по этому поводу я точно не разделяла. Целительство, главное направление Мелироанской академии, было от меня так же далеко, как и все эти танцы, манеры, живопись и музыка. Так что академия, пожалуй, последнее место, куда мне хотелось бы попасть. С другой стороны, замуж за пресловутого принца мне хотелось ещё меньше.

— А ты когда-нибудь видела этих велапольских принцев? — уточнила я.

— Нет, но говорят, они чудо как хороши! Широкоплечи, темноволосы и зеленоглазы. В общем, такие же породистые, как их знаменитые мистические животные. — Леди Эстель заливисто рассмеялась, откинув голову.

Я тоже засмеялась, поддерживая шутку Сирены. Изящные завитки волос у её лица растрепал морской ветер, поэтому выглядела она уже не так аккуратно, как в тот момент, когда я её впервые увидела. Светильники, накрытые от ветра стеклянными колбами, отбрасывали причудливые тени на лицо этой жизнерадостной девушки. И даже в таком освещении она выглядела очень красивой. Тем временем окончательно стемнело, и море казалось густой чёрной бездной, выталкивающей наш корабль из своих недр. «Фаворит Вейна» мерно покачивался на волнах. Немигающие звёзды рассыпались над нами едва приметными далёкими крапинками. На фоне безоблачного ночного неба они казались особенно яркими.

— Какая красота! — пропела Сирена, вглядываясь в небо.

Я много раз смотрела на звёздную россыпь, наблюдала за звездопадами, а прошлой ночью — даже за Красной Луной. Это было то невеликое богатство, которым я владела с самого детства, будучи дочерью простого рыбака. Но было что-то особенное в том, чтобы смотреть на небо вместе с Сиреной. Это объединяло нас, делало сообщницами. Девушка, как будто прочитав мои мысли, пододвинула свою руку вдоль бортика к моей, и наши ладони соприкоснулись. Я не привыкла, чтобы меня трогали без повода, поэтому немного смутилась, но отодвигаться не стала. Так мы и стояли — с поднятыми головами, в молчании, ощущая тонкую полоску тепла друг друга.

— Сирена Эстель, — послышался сзади низкий голос Дамны.

Сирена наморщила носик. Я подметила, что это её привычная мимика. Мы обернулись. Тонкая фигура в светлом платье выделялась в темноте: ментор серебристой лилии, моей новой подруги, ждала подопечную возле входа в каюты первого класса.

— Мне пора, — вздохнула девушка. — Если хочешь, можем завтра провести вместе целый день!

— По-моему, отличная идея, — согласилась я. — Встретимся здесь же?

— Прямо с раннего утра! — Леди Эстель просияла.

Девушка весело кивнула мне и, развернувшись на каблуках, бодро зашагала к своей наставнице. Я проследила за тем, как они скрываются внутри корабля, а потом какое-то время ещё стояла возле фальшборта, размышляя о том, как прошёл мой первый день вдали от дома. Но тело начало требовать своё, меня потянуло в сон, и я всё-таки отправилась на поиски спального места, где мне предстояло провести свою первую ночь вне Фарелби.

Пробуждение мне не понравилось.

Я лежала на узкой спальной полке, приколоченной к одной из стен общей каюты. Из постели у меня были только подушка, набитая соломой, и потёртый клетчатый плед, но спала я крепко, ни разу не проснувшись за ночь. Даже храп пассажиров не тревожил мой сон. Сейчас же его пытались нарушить, чему я изо всех сил противилась, натягивая покрывало всё выше на голову.

— Юна Горст, — звонкий голосок требовательно ворвался в моё сонное сознание, — я жду тебя на палубе уже битый час! Ты забыла о наших планах?!

Я опустила плед и открыла один глаз. Сирена Эстель стояла надо мной, уперев кулачки в бока. Выглядела она непростительно бодрой. Пассажиры с соседних полок угрюмо и неприязненно поглядывали на юную серебристую лилию в соломенной шляпке. Один подозрительный тип ехидно скалился в нашу сторону.

— Как ты сюда попала? — Я села, неохотно откидывая плед.

— Пролетела на розовом слоне мимо многочисленной охраны, ваше величество! — съехидничала возмущённая Сирена. — Уже почти полдень, а ты до сих пор дрыхнешь!

— Меня качало на волнах, — попыталась оправдаться я.

«Фаворита Вейна» и правда покачивало. Я потёрла глаза и сдвинула с лица пару разлохмаченных прядей. Леди Эстель в своём изящном полосатом наряде резко выделялась на общем фоне простых одежд, грубо сколоченных ящиков, мешков и трюмных балок. Серебристая лилия сдержанно мерцала на её шее, словно магический символ. Впрочем, таковым она и являлась. Владелица же символа казалась украшением, хрупкой фарфоровой куклой в старом и грязном трюме. Пассажиры третьего класса рассматривали её, чуть ли не раздирая острыми взглядами на лоскуты.

— Я могу помочь тебе с причёской, — предложила Сирена, оценив мой внешний вид.

— Не нужно, — отказалась я и, привычно распутав волосы, наспех пригладила пряди руками и снова заплела в косы. Расчёску я, конечно же, забыла дома. Опыта путешествий у меня совсем не было. Я подхватила плащ и поглубже затолкала вещи под свою полку. Сирена тем временем лучезарно улыбалась пассажирам общей каюты: настойчивое и враждебное внимание простолюдинов её совсем не смущало. Некоторые даже улыбнулись в ответ, поддавшись очарованию девушки. Провожали нас уже довольно тепло, и я удивилась тому, как легко моя новая подруга умеет завоёвывать расположение. Люди быстро проникались к ней симпатией, несмотря на её довольно беспечный нрав. Пара любопытных взглядов досталась и мне, но, к счастью, интерес в них быстро угас.

Палуба встретила нас солнечной погодой и лёгкой качкой. «Фаворит Вейна» летел вперёд на большой скорости, рассекая волны и оставляя сзади широкую пенную полосу. Свежий ветер то настойчиво пытался растрепать наши волосы, то ласково обнимал. Вместо пушек по бортам корабля белели киями спасательные шлюпки, моряки в голубых фуражках полировали швабрами и без того чистые доски настила. Капитан вежливо поздоровался с серебристой лилией и велел подать нам прохладительные напитки.

— Спасибо. — Я неуверенно приняла угощение и принялась.

— Прекрасный день для морской прогулки! — Сирена глотнула из прозрачного стакана, не удостоив капитана взглядом. — Я чувствую, что лечу навстречу большим переменам в своей жизни. Нутолинис всегда был слишком мал для меня. Мой потенциал требует чего-то нового, по-настоящему великого. Понимаешь?

— Пока не очень, — честно призналась я.

Напиток оказался вишнёвым, а на дне плавала ягодка. Я в три глотка осушила стакан и наклонила его, пытаясь достать прилипшую ко дну вишню. Моего понимания собеседнице не требовалось.

— Меня ждёт великое будущее. — С громким хлопком девушка раскрыла кружевной зонтик, и я подпрыгнула от неожиданности. — И тебя, конечно, тоже. Нас обеих ждёт. Перед нами открыты новые дороги и пути, они все принадлежат нам. Подумать только, сколько приключений впереди! Мы непременно должны все их пережить. Непременно, слышишь?

Ягодка никак не хотела поддаваться, и я нырнула в стакан пальцами, чтобы поддеть непокорный плод. К счастью, увлечённая прогулкой подруга не торопила меня с ответом.

Навстречу нам шла леди с двумя длинноухими собаками на поводках. Она слегка присела в реверансе при виде Сирены, на меня же глянула с недоумением. Я стыдливо проглотила вишню и спрятала испачканные пальцы за спину.

— У меня уже есть кое-какие планы на будущее, — буркнула я и выплюнула косточку за борт.

Женщина с собаками брезгливо отвернулась и спросила Сирену, нравится ли ей погода и путешествие, называя девушку «сиятельством». Пока хозяйка вела почтительную беседу с юной леди Эстель, один из пёсиков обнюхивал меня, виляя хвостом. Хоть кому-то я пришлась по нраву. Я потрепала собаку за ухом, удивившись гладкой и пушистой шерсти.

— Надеюсь, ты не собираешься стать свиром? — Сирена попрощалась со своей надменной собеседницей и повернулась ко мне. — Это ужасно скучно. Пойми, чтобы добиться настоящего успеха, нужно быть амбициозной. Ставить высокие цели.

Кто такие свирь, я не знала, но уточнять постеснялась. Среди нарядных леди я и так чувствовала себя крайне неуютно, поэтому не хотела выдавать свою необразованность. Мы шли под крепкими тросами, натянутыми с высокой палубы к леерам. Паруса раздувались над нашими головами, почти сливаясь цветом с чистым лазурным небом. По пути нам попадались отдыхающие пассажиры, развалившиеся в деревянных креслах. Перевернутые бочки между ними служили столиками для закусок и угощений. Я облизнулась при виде еды.

В одном из кресел сидела Дамна лин де Торн. Женщина грациозно откинулась на спинку жёсткой корабельной мебели и чи-

тала маленькую книгу в пёстрой обложке, прихлёбывая напиток. По виду — не вишнёвый. Сирена плюхнулась рядом, вытянув ножки в атласных туфлях. Я немного потопталась, не уверенная, уместно ли тут моё пребывание, но всё же пристроилась на соседнем кресле.

— Что читаете? — спросила я у ментора серебристой лилии.

— Дамский роман, — охотно ответила она. — С крайне интересными героями. В моё время юные леди любили истории о богатых принцах благородного происхождения с идеальными манерами. Сейчас же любовные романы заполнены жестокими ублюдками со склонностями к насилию. Просто удивительно, как быстро меняются пристрастия в романтических делах!

Я склонила голову, чтобы прочитать название книги, но оно пряталось под пальцами Дамны. На обложке юную блондинку с цветущим растением на спине обнимал вооружённый мужчина. Несмотря на то что он был нарисованным, я немного поёжилась от его цепкого взгляда.

— Это Лауна Иверийская ввела в моду, — зевнула Сирена, прикрываясь ладошкой. — Она вышла замуж за Мирасполя. Великий кровавый маг, военный экзарх, наставник Кирмоса лин де Блайта — как в такого не влюбиться? Хотя сам веллапольский князь Ивор предлагал нашей королеве руку и сердце.

Судя по всему, Сирена разделяла современные вкусы молодых леди.

— Ивор был некрасив и страдал подагрой, — не отрываясь от романа, пояснила госпожа лин де Торн. — Но Лауна была обязана выйти за него замуж. Такова традиция Квертинда и долг всех иверийцев со времён Галиофского завоевания. Возможно, её судьба сложилась бы по-другому.

— Но она любила Мирасполя! — с жаром возразила Сирена.

— Долг превыше любви, — буднично отозвалась ментор, переворачивая страницу. — Тем более если речь идёт о королеве.

— Сирена, кто такой экзарх? — шепнула я подруге.

— Главный стязатель. — Девушка подхватила засахаренный кусочек груши и отправила в рот. — Карающий представитель Квертинда.

Я слышала о подобном, но сама никогда с ними не сталкивалась. В Фарелби этим занимались староста и его тучная супруга. У нас и преступлений, в общем-то, не было — если не считать мелких склок в таверне и дележки территорий между излишне

жадными соседями. Я немного подумала и тоже закинула в рот сладкую дольку, подражая юной леди Эстель. Солнце отражалось от бесконечной морской глади. Хотя свежий ветер и обдувал нас, мои щёки всё же начали гореть.

— Ты не знаешь, кто у нас сейчас экарх? — уточнила Дамна.

Она оторвалась от книги и удивлённо посмотрела на меня. Кажется, ничто не могло скрыться от слуха этой женщины.

— Кирмос лин де Блайт? — предположила я, увлекшись фруктами.

Десерт был сладким, но оставлял лёгкое кислое послевкусие. Я отправляла в рот один кусочек за другим и с удовольствием слизывала с пальцев подтаявший сахар.

— Живёшь в прошлом десятилетии! — усмехнулась госпожа лин де Торн. — Нет, уже не он. Вам бы не помешало элементарное образование, юная леди Горст. И воспитание.

— Не помешало бы. — Я со вздохом отодвинула от себя тарелку со сладостями и в последний раз облизала пальцы.

— Отстань от неё, она за образованием и едет, — вмешалась Сирена. — О, ты надела свой Иштар?!

Под серебристой лилией, в ямочке между ключицами Дамны, покачивался в такт волнам огромный жёлтый камень. В тени широкой шляпы он почти не блестел, поэтому я не сразу его заметила. Судя по размерам, он стоил целое состояние.

— Красивое украшение, — вежливо похвалила я. — Только название странное.

Мне очень хотелось завоевать расположение женщины.

— Это фамильная драгоценность семьи лин де Торн. — Дамна повертела камень в пальцах, демонстрируя игру граней. — У каждого древнего аристократического рода Квертинда есть свой драгоценный камень, передающийся из поколения в поколение. Зачастую вместе с легендой. Такие украшения всегда тянут за собой мистический шлейф, а порой и кровавый. Порой эти камни меняют оправу, но имя — никогда. Когда-нибудь Иштар перейдёт Сирене.

— Но она ведь не из вашей семьи. — Я заворуженно наблюдала за камнем. — У вас разве нет детей?

— У меня есть Сирена, — возразила Дамна. — Она — моя мейлори. Это больше чем ребёнок. И других мне не надо. Именно она получит всё наследство семьи лин де Торн после моей смерти.

Я прикусила язык, но, по виду, ментор серебристой лилии совсем не обиделась.

— Да уж поживи, пожалуйста, подольше, — разрешила леди Эстель.

Госпожа лин де Торн усмехнулась и снова уткнулась в дамский роман. Лучи солнца припекали всё яростней, и я позавидовала тем, кто устроился под хлипким навесом ближе к носу корабля. Это было единственное укрытие на всей широкой палубе. Сирена откинулась на спинку, подставляя лицо горячему солнцу. При ярком дневном свете я заметила мелкие веснушки на вздёрнутом носике подруги. Оранжевыми крапинками были отмечены даже серые радужки глаз молодой леди.

Мимо с шумом пронеслись дети и тесной кучкой прильнули к высокому леерам, тыча пальчиками куда-то под корабль.

— Дельфины? — Сирена приподнялась на локтях, пытаясь заглянуть за детские спины.

Мы обе, не сговариваясь, вскочили и с хохотом понеслись к голаящей ребятне. Леди Эстель подхватила свои юбки и ринулась к ограждениям, обгоняя меня. Рядом с кормой и правда плыла стая дельфинов. Они выпрыгивали из воды, вызывая взволнованные визги, и явно были довольны произведённым эффектом. По крайней мере, мне казалось, что эти удивительные животные улыбаются, и я с радостью кричала вместе со всеми, упрасывая их выпрыгнуть ещё разок.

На палубе мы провели почти весь день. Бегали наперегонки с детворой, лакомились угощениями и обсуждали предстоящую учёбу. О Кроунице я знала только то, что он был столицей северного Квертинда — территории, некогда отвоёванной у Веллапольского княжества Галиофом Завоевателем. Точных дат я не помнила, но могла с уверенностью сказать, что это было очень давно. О магии же мне ничего не было известно. В своей жизни я видела только заезжих целителей, которые за оплату лечили мелкие хвори, и барда Виртуоза Мелироанского. Великие мастера искусства использовали магию для своих творений, но это было мне ещё более чуждо, чем исцеление.

Когда солнце начало клониться к горизонту, госпожа лин де Торн вместе с другими благородными господами и дамами спустились к ужину. Несмотря на то что кухня на корабле была всего одна, пассажиры более высокого класса ужинали первыми. Сирена пожелала дожидаться очереди вместе со мной, поэтому еда

ей досталась простая, как и мне, — вяленая рыба с разваренным горохом да пара сухарей. Леди Эстель не жаловалась, хотя ела с некоторой досадой. По-моему, неудовольствие юной аристократки было вызвано не столько едой, сколько соседством с мохнатым рудвиком. Он сидел на деревянной лавке рядом с моей подругой и громко хрустел засушенным хлебом, разбрасывая вокруг себя крошки. Я поймала взгляд Сирены и шумно откусила сухарь, передразнивая её пузатого соседа. Девушка хихикнула и тоже захрустела как можно громче. Рудвик принял вызов и, гневно зыркнув на нас из-под густых бровей, начал ещё быстрее работать челюстями. Сухари быстро закончились, поэтому победителя в соревновании на самый громкий хруст так и не оказалось. Но из-за стола мы встали довольные собой. Все трое.

Ближе к вечеру воздух стал холоднее, порывы ветра хлестали ледяными крыльями. Разогретый на солнце корабль быстро остывал, в воздухе смешивались запахи смолы и мокрого дерева. Мы двинулись на север, где уже ощущалось зябкое дыхание осени. Липкий туман расплзался над беспокойной глубиной, потемневшее в сумерках низкое небо подмигивало румяной долькой раннего месяца, который то и дело выглядывал из-за туч. Уставшая Сирена почти повисла на одном из ограждений и куталась в плед, пытаясь согреться. Выглядела она растрёпанной, соломенная шляпка болталась за спиной, кончик носа и уши покраснелись от холода, но идти в свою каюту она наотрез отказывалась, с живым удовольствием слушая истории из нашей с Лонимом хулиганской жизни. А я увлеклась рассказами, ободрённая слушательницей и особым таинством ночного путешествия.

— Не могу поверить, что у нас уже есть свой старшекурсник в Кроуницкой академии! — выдохнула Сирена, высоко задрав голову. — Надеюсь, Лоним достаточно галантен? Он красивый?

— Обычный. — Я пожала плечами. — Пожалуй, он очень избратательный. И смеётся в лицо опасности.

Мне трудно было оценить красоту Лонима. Я слишком привыкла к его внешности. Хотя за последние три года мы виделись редко, в моей памяти он всегда оставался вихрастым неутомным сорванцом, отважным лидером и примером для подражания. Он никогда не пытался быть серьёзным. Мы вечно влипали в весёлые неприятности и часто выглядели по-дурацки. Пожалуй, своё детство я бы могла назвать счастливым именно благодаря другу. И отцу. До тех пор, пока он не заболел, убитый новостью

о смерти матери... Печальные воспоминания кольнули сердце, напоминая о моей цели. Я стиснула зубы и потрясла головой, отгоняя неприятные мысли.

Сирена задумалась и тоже немного погрузилась, услышав об опасности. Она подняла голову к небу, нависшему над нами мерцающим куполом. Глаза её мечтательно блуждали по звёздному пространству, блестели в свете фонарей. Водная гладь скрывалась в белёсой туманной мгле, и только небо стелилось бесконечной бездной над головами.

— На самом деле мне страшновато, — прошептала девушка.

— Мне тоже, — призналась я.

— Нас ждёт незнакомый город и новые люди. — Она положила голову на сложенные ладони. — Кроуниц всегда был окутан легендами. Чужими, странными легендами про драконов и веллапольских демонов. Как знать, с чем нам придётся столкнуться? Мы как будто плывём в другой мир, прочь от самих себя.

— Может, наоборот, мы плывём к себе?

Я тоже улеглась на собственный локоть. Небо казалось тяжёлым. Оно дрожало в такт морскому плеску, но не падало, держалось, как будто его прибили звёздами. Туман обступил нас, и от этого мерещилось, что мы не плывём, а просто качаемся на облаке, вне пространства и времени. В лицо бил свежий ветер, покалывая крохотными капельками.

— Может, и так, — согласилась подруга. — Но всё равно страшно. Мы ведь просто девчонки, что верят в сказки. Останется ли наш мир таким же сказочным, какой он сейчас?

— Ты сама говорила, что перед нами открыты все пути и дороги, — напомнила я. — Выберем ту, которая больше понравится. Какую-нибудь сказочную.

— Ты слушала меня? — удивилась подруга.

— Конечно, ты же разговаривала со мной, — не поняла я её удивления. — Господин Рилекс сказал, что судьбу можно приручить. Мы можем попробовать приручить свою. Или побороться с ней, если она откажется подчиняться.

— Иногда люди несут ужасную чушь, — сморщила носик леди Эстель. — Совсем не думают, о чём говорят.

— Ганс Рилекс не нёс чушь, — обиделась я.

— Да я не про него, — фыркнула подруга. — Ладно, иногда я несу ужасную чушь и совсем не думаю, о чём говорю. Щипай меня в следующий раз, когда я начну умничать.

— Не буду, — улыбнулась я. — Мне нравится, когда ты умничаешь.

Мы лениво рассмеялись. Всё-таки день пути и качка здорово вымотали нас обеих.

— Значит, будем приручать судьбу! — неожиданно встрепенулась Сирена. — Кроуниц уже много лет принадлежит Квертинду. Он тоже часть иверийского наследия. Квертинд — мой дом, и он не причинит мне вреда. Он будет меня защищать!

При упоминании Квертинда и иверийцев глаза Сирены загорелись решимостью. Я задумалась, не было ли это поводом для шипка. Должно быть, леди Эстель высказалась больше для себя самой, чем для меня. Но короткий миг бодрости сменился усталостью, и девушка снова рухнула на тросы ограждений. Море плескалось мерно и спокойно, но посреди уснувшего судна его голос казался особенно громким. За день я привыкла к неторопливому шуму, и сейчас он убаюкивал меня холодной монотонностью. Глаза спалились, руки замёрзли, но мне не хотелось расставаться с моей смешливой подругой.

— Я тоже буду защищать тебя в Кроунице, — пообещала я. — Прямо с завтрашнего утра.

Обаяние Сирены Эстель действовало безотказно. За день я привязалась к этой молодой леди, хоть мы и были с ней очень разными.

— Если не проспичь нужный момент. — Сирена ехидно скосила не меня глаза. — Я бы хотела сойти на берег вместе с тобой.

Показная бодрость снова предала её, и девушка выразительно зевнула. Но я успела порадоваться тому, что я ей тоже понравилась.

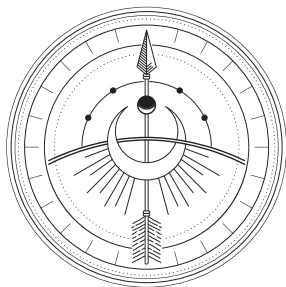
— Разбудишь меня? — зевнула я в ответ.

— Договорились, — сонно кивнула серебристая лилия. — Доброй ночи, Юна Горст.

Она всё же сдалась под напором усталости, и я была благодарна ей за это, потому что тоже чувствовала себя измотанной.

— Доброй ночи, Сирена Эстель, — пожелала я.

Девушка застучала каблуками по доскам и скрылась за дверью, ведущей к каютам. Я бросила последний взгляд в густой туман, что окутывал нас таинственным безмолвием, и поплелась в сторону трюма. Засыпала я довольная прошедшим днём и Сиреной Эстель. И представляла, как мы, держась за руки, будем спускаться по трапу «Фаворита Вейна», а Кроуниц будет осыпать нас радостными приветствиями, осенними листьями и рябиной.

ГЛАВА 5

ГНЕВ ВЕЙНА

Проснулась я резко, словно в одно мгновение выпала из сна. Странное тревожное чувство билось в ушах приглушённым раскатом. Я приподнялась на локте и огляделась: на первый взгляд, ничего не изменилось. Корабль всё так же покачивался на волнах, разве что чуть сильнее. Но что-то было явно не так, потому что вокруг меня тоже начали просыпаться люди. Каюту заполнили встревоженные и недоумённые взгляды. Пассажиры переглядывались, пытаясь найти источник беспокойства. После сна перед глазами стояла мутная пелена, и я часто заморгала. Горло саднило от вчерашней ночной прогулки, но тревожило меня явно не это.

Неожиданно нас резко и сильно тряхнуло. Судно со скрежетом накренилось и подпрыгнуло. Люди посыпались со своих спальных мест, как набитые соломой тюфяки. Я тоже упала и больно ударилась плечом о соседнюю полку. Откуда-то послышался пронзительный девичий визг.

— Гнев Вейна! Мы прогневали бога воды и ветра! — донеслось совсем рядом.

Низенькая старуха, каким-то чудом удержавшаяся на своей постели, свесила ноги и начала тихонько бормотать себе под нос молитвы, взывая к свободолюбивому Вейну и милостивой Девейне. Общая растерянность сменилась тревогой и даже паникой. Напротив меня испуганная рудвик с крохотным, похожим на зайчонка пушистым малышом залезла под спальную полку.

— Вейн плохой бог, лу-ли! — причитала ушастая мама. — Очень плохой бог, лу-ли! Да спасет нас Лудук, лу-ли!

Следующий рывок подкинул всех в общей каюте, как крохотных мальков в лубяной ловушке. Покрывало немного смягчило моё

падение на этот раз, но всё равно синяк мне был обеспечен. П слышались сдавленные крики и плач. Все, кто не успел ухватиться за какой-нибудь выступ, оказались сброшенными на грубый пол трюма. Мимо меня прокатился ящик, ударился о борт и звонко зазвенел содержимым. В нос ударил запах кислятины. Старухе в этот раз повезло меньше: она свалилась с лавки и разбила лицо до крови. Балки угрожающе закрипели, и гул стал громче, усиленная и без того гнетущее напряжение.

— Шторм! — крикнул кто-то мне на ухо. — Мы попали в шторм!

— Мы погибнем здесь! — пропищал испуганный детский голосок.

— Вейн карает нас! — Старуха вскинула над головой окровавленные ладони.

Капюшон во время падения упал мне на голову и сейчас затруднял обзор, но даже из-под него ситуация выглядела жутковатой. Люди расплозились от центра трюма, как муравьи из потревоженного муравейника. Судя по тому, что на грязном дощатом полу оставались влажные разводы, ранена была не только боголюбивая старушка. Впрочем, это могла быть и не кровь, а следы рома из разбившихся бутылок. Деревянные обломки, осколки, мелкие мешки, шерстяные одеяла перемешались и подпрыгивали в такт сильной качке. Пассажиры облепили стены, вцепились в полки и балки, поддерживая себя и друг друга. Дамский вой перекрывал завывания яростного ветра. Я крепче обхватила свою постель, попыталась собрать мысли в кучу и успокоиться, но только пришла к выводу, что понятия не имею о том, что нужно делать в шторм, и на долю секунды запаниковала.

— Пойдём, малец, принесём женщинам спасательные жилеты. — В суматохе кто-то хлопнул меня по плечу.

Матрос «Фаворита Вейна» обходил каюту в поисках мужчин, способных двигаться самостоятельно. Я даже не заметила его появления в трюме. Просмоленный плащ его промок насквозь — то ли от дождя, то ли от морской воды. Должно быть, под капюшоном он принял меня за мальчишку. Море грохотало снаружи, стучало о борт, терзало наше плавающее убежище, словно хотело утопить нарушителей своих просторов. Я слотнула подобранный к горлу тугой комок.

Вряд ли жилеты могли защитить от ярости тяжёлых морских волн, но план мне всё равно понравился. Шторм всё ещё пугал

меня, но раздавать жилеты вместе с мужчинами было гораздо лучше, чем молиться с женщинами. В бездействии угроза всегда кажется более устрашающей. Поэтому лучшее, что можно сделать в момент опасности — найти себе занятие. Конечно, если не можешь рассмеяться этой самой опасности в лицо. Я попыталась выдавить смех, но новый рывок корабля выбил из меня дыхание. Пассажиры снова завизжали. Сердце замирало, ухающие раскаты громыхали почище самой буйной грозы. Но я упрямо поднялась, держась за одну из крепких балок, и постаралась поймать ритм качки. Спасательный отряд уже скрылся за хлипкой перегородкой, отделяющей общую каюту от трюмного коридора, и я побежала следом.

Желающих помочь нашлось немного. Я насчитала шесть человек, включая меня саму и коренастого моряка с пушистыми усами. Остальные предпочли остаться в каютах и ждать милости Вейна. Или Девейны, что заберёт их души в райские сады после смерти. Или Лулука. Мне же сейчас самой надёжной казалась милость спасательных жилетов, хотя и в ней я здорово сомневалась.

Жилеты мы нашли на удивление быстро. За одной из плохо выкрашенных дверей обнаружился чулан с оранжевыми стопками. Все молчали, стараясь сохранять сосредоточенность в этой болтанке. Грубые деревянные стены узкого коридора помогали удерживать равновесие, и никто не падал. На долю секунды мне даже показалось, что шторм утих, но корабль снова рухнул вниз с гребня волны, и в каюте поднялся женский визг. Я порадовалась тому, что стена коридора хоть немного его приглушила. Света здесь не было вовсе, и матрос зажжёт факел. Он по одному подпущал нас к чулану, раздавая короткие указания. Между бровей его залегла глубокая складка, в жёстких волосах блестели мелкие капли. Я тоже подошла к жилетам и сбросила капюшон, чтобы не мешал. Матрос удивился моим косичкам, но промолчал. Я подхватила стопку, подпёрла её подбородком и направилась к общей каюте. Грохот всё ещё сотрясал воздух за бортами, но здесь он казался не таким опасным. Мне даже удалось немного посмеяться над тем, что первое путешествие может стать для меня и последним: Юна Горст сгинет в холодной морской пучине, так и не доехав до Кроуница, и история завершится совсем не сказочно.

Внезапно дверь, ведущая к каютам, резко распахнулась, и в неё буквально вплыли два человека. Наша жилетная группа удивлённо уставилась на них, а я застыла с открытым ртом, стараясь подбо-

родком удержат жилеты. Высокий матрос поддерживал за талию тонкую фигуру в промокшем насквозь платье, которая, едва перешагнув порог, опустилась на пол.

— Нашёл на палубе, — ответил мужчина на наш молчаливый вопрос. — Сумасшедшая какая-то.

Его находка выглядела ужасно. Платье на женщине было изодрано, посиневшие губы мелко дрожали. Капли воды стекали по бледной коже, соединяясь в мелкие лужицы на полу. Я невольно попятилась, припоминая древнюю легенду об утопленницах, но взгляд зацепился за серебристую лилию на шее. Узнавание стрелой пронзило сердце, заколотившееся быстрее от переживаний за подругу. Неужели это Сирена? Как я могла забыть о ней?

— Сирена! — вслух позвала я, всё ещё не уверенная в своих выводах. Мокрая фигура моментально подобралась и резко подняла голову с висящими сосульками прилипших к лицу волос. Только теперь я узнала её — это была Дамна лин де Торн. Какое-то время она рассеянным взглядом блуждала по сторонам, пока, наконец, не остановилась на мне.

— Ты! — неожиданно громко воскликнула женщина. — Это всё из-за тебя!

Госпожа лин де Торн вскочила и метнулась ко мне, путаясь в мокром платье и собственных ногах. Движения её были рваными, а взгляд в самом деле совершенно безумным. Я инстинктивно попятилась, но она налетела на меня всем своим весом. Жилеты рассыпались по коридору оранжевыми тряпками.

— Сирена отправилась будить тебя, Юна Горст!

Палец госпожи лин де Торн обвиняюще нависал надо мной, практически упираясь в кончик моего носа. Пару мгновений все молчали, поражённые этой сценой, даже море немного стихло. Но потом одержимая Дамна пришла в ярость и попыталась меня ударить. К счастью, нас снова подкинуло на волне, и я легко увернулась от нетвёрдого удара леди. Женщина тоненько, болезненно вскрикнула и покорно осела на пол вместе с очередным падением судна. Даже как-то слишком покорно. Наблюдавшие за этой картиной мужчины подбежали к нам, готовые прийти на помощь, я же отступила на пару шагов, защищаясь от возможных попыток нападения ментора серебристой лилии. Но госпожа лин де Торн больше не нападала. Она безвольной куклой сидела на полу и громко всхлипывала. Голова её болталась в такт сильной качке.

— Я не чувствую её, Юна, — плакала Дамна. — Не чувствую больше мою девочку. Мою мейлори.

Я растерялась, удивлённая такими резкими переменами в поведении сдержанной, хорошо воспитанной женщины. Несколько секунд переминалась с ноги на ногу, но страх за подругу всё-таки победил. Я подошла и присела рядом, держась за ближайшую стену.

— Что случилось с Сиреной, госпожа лин де Торн? — спросила я, стараясь перекрыть шум и плач.

— Она ушла будить тебя. — Плечи женщины мелко вздрагивали. — Сказала, что вы собирались вместе сойти на берег. Мы как раз подплывали к Кроуницу, когда попали в этот кошмар. Я не знаю, где она. Она пропала, и я... Я не чувствую её, Юна!

Всхлипывания перешли в громкое завывание, и из носа леди потекла тоненькая струйка крови. Мужчины попытались поднять Дамну, а я попробовала её успокоить:

— Ко мне Сирена так и не дошла. Наверное, шторм настиг её на палубе..

— Скажи, что она жива, — потребовала госпожа лин де Торн, отбиваясь от протянутых к ней рук. — Скажи, что она жива!

— Я не знаю, — честно ответила я. — Но я пойду и поищу её.

— Я с тобой! — решительно заявила женщина.

Она попыталась подняться, но ноги не слушались её, и Дамна тут же упала снова. От серьёзных последствий леди спасли только заботливые объятия матроса, который привёл её сюда. Качка продолжалась, и море никак не хотело униматься.

— Вам лучше оставаться в каюте, — заметил мужчина.

— Я пойду за Сиреной! — Дамна лин де Торн вновь оттолкнула всех и неуверенно встала на ноги.

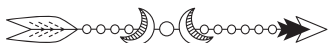
В таком состоянии она была для меня больше обузой, чем помощницей. Я не имела опыта общения с женщинами, но попыталась вразумить безумевшего ментора серебристой лилии.

— Я дочь рыбака и отлично плаваю, — привела я свой аргумент. — Мне одной будет проще. К тому же на мне нет тяжёлого платья.

На самом деле я понимала, что несую настоящую чепуху: если меня смоеет за борт, умение плавать не поможет, как и выбор одежды. Но, кажется, это подействовало.

— Приведи мне её, Юна, умоляю тебя! — снова жалобно всхлипнула госпожа лин де Торн.

Она хватала меня за руки, заглядывала в глаза. Мне пришлось буквально отдира­ть её пальцы. Я направилась к выходу, не думая о том, что за дверь­ю бушует шторм. Мне хотелось оказаться по­дальше от этой сумасшедшей женщины. Гнев Вейна сей­час казался гораздо менее угрожающим, чем гнев Дамны лин де Торн. Когда я уже открывала дверь на палубу, за спиной снова слышались её крики. На этот раз плач и всхлипы сменились угрозами.

— Не смейте меня трогать! — кричала женщина. — Я потоплю вас всех, если этого не сделает море!

Снаружи стихия предстала мне во всей своей красе. Вода сплошной стеной окружала судно. Море ярилось, плевалось, пенилось и шипело. Я старалась уворачиваться от его солёных язы­ков, но всё равно промокла насквозь. «Фаворит Вейна» то и дело взбирался на гребень очередной волны, чтобы с громким плеском упасть к её основанию. При этом мои внутренности норовили выпрыгнуть наружу через горло. Злые волны раскачивали корабль, многотонной громадой перека­тываясь через палубу. Всю утварь и мелкую мебель, что не была при­бита, унесло за борт. Вода была повсюду.

— Сирена! — попыталась крикнуть я.

Крик утонул в оглушительном рёве шторма, а во рту сразу стало солоно. Даже если бы Сирена была рядом, она бы меня не услы­шала. Я принялась перебирать руками вдоль троса, высматривая девушку. Видимость была хуже некуда. Едва удавалось держать глаза открытыми. Скоро их за­щи­пало, но я продолжала вглядываться в очертания корабля, пытаясь найти знакомый силуэт.

— Поднимай стаксель! — раздалось совсем рядом. — Идём под штормовым!

— Простите, — прохрипела я, обращаясь к фигуре в насквозь мокрым плаще, — я ишу девушку...

Меня не услышали. Но заметили. Матрос выпучил глаза и вме­сто помощи заорал как резаный:

— В каюту, живо! — Он подтолкнул меня в бок. — Ну чего стоишь? Пошла, пока за борт не смыло! Пошла!

Я ухватилась за его плащ, но судно в очередной раз швырнуло в сторону, и нас впечатало в ближайшую стену.

— Шевелитесь, мать вашу! — крикнул матрос уже не мне и со­рвался с места. — Мачта обломится! Поднимай!

Он почти исчез в плотной паутине брызг, мелькнув напоследок тёмной далёкой тенью. Расплывчатые фигуры тянули канаты, бранились на знакомых и незнакомых мне языках, отчаянно сражаясь со стихией. Они двигались с удивительной сноровкой и скоростью, я же едва перебирала ногами и крепко держалась за натянутый вдоль стены канат. Стиснув зубы, чтобы не стошнить и не завопить от ужаса, я уговаривала себя сделать следующий шаг по направлению к безлюдной части палубы. Там не было никого из команды, и я надеялась, что найду там Сирену.

Под хлипким навесом, где ещё вчера отдыхали пассажиры, вода лилась рекой, лизала пенистыми языками дощатый пол, но хотя бы не падала сверху. Она омывала тёмные бочки, которые каким-то чудом не унесло за борт. Должно быть, они были намертво прикручены к палубе. Пузатые деревянные великаны стонали, скрипели и кренились вместе с судном, но держались.

Стёртую кожу на ладонях саднило, а гаденький страх скрёб затылок. Всё моё нутро выло, подобно бочкам, и молило о возвращении. Но я продолжала идти вперёд, шурясь и отплёвываясь.

От нового крена я рухнула на палубу, едва не переломав ноги, и уже готова была повернуть назад, но именно в эту секунду, хватаясь мокрыми пальцами за всё, что подворачивалось мне под руку, я заметила белеющее неподалеку тело.

Сирена лежала, обвившись вокруг одной из бочек. Край тонкого светлого платья зацепился за нижний обод: судя по разрывам на ткани, девушка пыталась высвободиться — до тех пор, пока силы не покинули её.

Мысленно умоляя Вейна ослабить свой гнев хотя бы на пару минут, я бросилась к подруге. Подбежала, почти не замечая качки, но тут же растерянно застыла: Сирена была бледна и не двигалась. Я приподняла её, как смогла, усадила спиной к бочке, приложила ухо к груди. Сердце билось.

Злость и паника придали мне сил: со всей дури я рванула подол платья, и он легко, даже как-то покорно треснул, освобождая девушку из плена.

— Скорее! — крикнула я Сирене. — Бежим в каюты!

Подруга не ответила. Тоненькое бесчувственное тело завалилось на бок и поплыло в сторону. Я едва успела ухватить Сирену за плечо, подтащила обратно к бочке. На наше счастье, к нижнему ободу были приделаны крепкие ручки, за которые я очень удачно ухватилась. Но на этом хорошие новости заканчивались.

Мы сидели посреди штормовой палубы, цепляясь за бочку, как за последнее спасение, и я понятия не имела, что делать дальше. Я прижимала к себе холодное тело подруги и пыталась утихомирить бешеный стук крови в ушах. Позвала на помощь — раз, другой, за свистом ветра и рёвом волн меня, разумеется, никто не услышал. Что же делать? Что делать дальше? Одна я смогу добраться до кают, но как быть с Сиреной? Даже если я подниму её на руки, сильная качка не даст мне удержаться девушку. А стоит только отпустить — её мгновенно смоет за борт.

— Сирена, очнись! — отчаянно вскричала я и похлопала по бледным щекам. Не помогло. Очередная лавина солёных брызг обрушилась на нас, вынуждая поторопиться.

— Ладно, — проговорила я, не зная, кого сейчас успокаиваю, обморочную подругу или себя, — мы сейчас просто доползём до следующей бочки и выглянем из-под навеса, хорошо? Нам кто-нибудь поможет. Постарайся не выскользнуть из моих объятий. И не паникуй.

Губы Сирены стали почти синего цвета, и это добавило волнения к моему и без того тревожному состоянию. Надеюсь, она ещё жива... В этот раз проверять я не стала.

Стараясь удерживать равновесие за нас обеих, я поползла по мокрым доскам в сторону крайней бочки. Рывок плечом — и подтянуть за собой подругу. И снова. И ещё раз. Каждая мышца моего тела напряглась до предела, сухожилия натянулись корабельными канатами — того и гляди лопнут. Но до крайней бочки мы всё-таки добрались. Я даже смогла выглянуть из-под навеса, чтобы оценить ситуацию на палубе.

Корабль почти взлетал, высоко задирая нос к серому небу, чтобы в следующий миг вспороть им беспокойную воду. Я крепко прижимала Сирену каждый раз, когда мы плюхались в море.

— Сюда! — голос сорвался на хрип. Я прочистила горло и изо всех сил заорала: — Нам нужна помощь!

Крик подхватило ветром, он разнёсся над кораблём, но меня никто не услышал. Фигуры матросов куда-то пропали. Палуба опустела, и в следующий миг я поняла почему.

Прямо по курсу на нас надвигалась огромная волна, вершина которой сливалась с небом. Дыхание перехватило — то ли от величественного зрелища, то ли от осознания неминуемой беды. Не нужно быть заправским моряком, чтобы понять, что «Фаворит

Вейна» не сможет взобраться на эту волну. А это означало, что нас накроет.

Волна неумолимо приближалась. Теперь было ясно, что даже если Сирена очнётся прямо сейчас, мы не успеем добраться до кают, и встречать идущую на нас громаду придётся прямо здесь. От досады я стукнула кулаком по бочке, за которую цеплялась. Бочка отозвалась глухим звуком.

Не раздумывая больше ни секунды, я отпустила Сирену, рывком встала на ноги и дёрнула на себя крышку. Не с первого раза, но она поддалась, явив мне пустое нутро корабельной мебели.

— Иди-ка сюда, — подхватила я под мышки уплывающую подругу.

Помогая себе коленями и даже зубами, я подняла Сирену и запихнула её податливое тело в бочку. Раздался звук падения, и я зашипела, мысленно прося прощения у мейлори серебристой лилии и заодно у её ментора. Накрыла бочку крышкой, надеясь, что Сирена ничего себе не сломала. И что она ещё жива.

Огромная, страшная тень окутала всё пространство, практически лишив меня зрения. Но я всё же успела глянуть на хлипкий навес над нами, прежде чем крепко обнять бочку и вцепиться в железные ручки. «Надеюсь, навес выдержит», — мелькнула короткая мысль.

В следующий миг судно осело, раздался треск, и вода хлынула сверху сплошным потоком. Я успела сделать глубокий вдох и задержала дыхание. Что-то ударило меня по спине, на короткий миг сознание погасло, но быстро вернулось. «Фаворит Вейна» под тяжестью рухнувшей на него волны опустился под воду.

Секунды тянулись мучительно долго. Казалось, мир вокруг замер и оглох. После бурного ревущего грохота шторма тишина воспринималась особенно остро. До моих ушей, заполненных водой, доносился только стук моего собственного сердца. Короткий миг застывшей жизни. Ещё мгновение — и наше маленькое судно, сопротивляясь непокорной стихии, выскочило из моря, словно поплавок, сбрасывая текучие оковы. Я медленно выдохнула. Спина и ободранные руки ныли, царапины щипало от солёной воды, но я всё ещё дышала!

Навеса над нами больше не было, он разлетелся в щепки от сильного удара. В остальном «Фаворит Вейна» держался. Я, покряхтивая, встала на дрожащие ноги... и застонала от слабости, ничтожности и бессилия, едва взглянула на нос корабля.

Вдали уже появилась новая волна. И она явно собиралась довершить дело своей предшественницы.

— Сирена Эстель! — отчаянно прокричала я бочонку. — Очнись, твоё мокрое сиятельство! Самое время оседлать розовых слонов!

Горло горело, в ушах звенел кошмарный гул, а в голове — обречённая пустота.

Судно накренилось, легко опрокинув меня на залитый морем настил. Я уже даже не сопротивлялась, только машинально схватилась за торчащий обломок, раньше бывший частью навеса.

Море лупило по кораблю своими белыми кулаками, волны рассыпались и кололи тысячами иголок. Следующий кусок летящей балки едва не ударил меня острым краем. Я едва успела отпихнуть его пяткой, из последних сил сражаясь за свою жизнь.

Я уже была готова потерять сознание, как и Сирена, но неожиданно крышка бочки взмыла в воздух, присоединившись к вороху изломанной древесины, и из укрытия показалась совершенно ошалелая леди Эстель. В мрачном буйстве стихии её светлая фигура казалась чем-то потусторонним, почти божественным. Дрожа от холода, девушка озиралась, растерянно открывая и закрывая рот. Слава Вейну, она пришла в себя!

— Сирена, немедленно выбирайся оттуда! — с ходускомандовала я.

Чтобы подруга не успела испугаться, требовалось обозначить план действий. Любые объяснения и промедления были бы лишними. Наконец-то у нас появился шанс выжить! Я рывком указала Сирене в сторону носа корабля, откуда надвигался водяной вал, надеясь, что это избавит от ненужных расспросов. Но она даже не глянула в сторону опасности, а лишь тряхнула мокрыми волосами и измученно улыбнулась:

— Юна... Ты спасла меня!

На короткий миг я тоже застыла с открытым ртом, пытаюсь подобрать слова. Подобрались только ругательные. Меньше всего сейчас были уместны благодарности. В голове промелькнула мысль о том, что и я могу кое-чему научить леди Эстель. Например, правилам поведения в экстренной ситуации. Точнее сказать, правилам выживания.

— Мы должны добраться до кают прежде, чем следующая волна накроет корабль! — Я подтянулась, схватилась за ближайший трос и повернулась к девушке: — Ты сможешь удержаться?

Это было единственным, что пришло в голову. Возможно, каюты спасут нас от следующего удара стихии. А может, и нет... Но действовать нужно было быстро.

Сирена, как назло, медлила. Она уже выбралась из бочки и встала рядом, как статуя. И смотрела куда-то сквозь меня. Я испугалась, что сейчас с ней случится то же, что и с её ментором, но ошиблась. Случилось кое-что похуже.

— Дамна! — радостно вскричала Сирена и пробежала мимо.

Очередной резкий крен сбил её с ног, отшвырнул к ограждениям. Но маленькая леди Этель вновь встала на ноги и кинулась прямо по направлению к носу корабля. Там, к моему ужасу, стояла Дамна лин де Торн с абсолютно счастливой улыбкой на лице. А за её спиной приближалась и росла в размерах гигантская волна.

— Вот троллье дерьмо! — всё-таки вырвалось у меня.

Я отвернулась, присела и накрыла голову руками. Предстояло пережить ещё один удар, и на этот раз безо всякого навеса. Скорее всего, в этот раз на щепки разлетится весь «Фаворит Вейна». О том, что произойдёт с парой воссоединившихся на его носу женщин, думать не хотелось. Я ждала, но ничего не происходило. Секунду, другую, третью... Казалось, прошло уже достаточно времени, а волна всё никак не обрушивалась на мою голову.

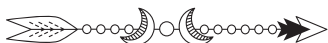
Оборачиваться было страшно. Я приоткрыла один глаз и взглянула на часы. Они были мокрыми, но тикали и показывали время, словно и не пережили со мной разрушительные минуты бури. На циферблате не было ни трещинки.

Когда секундная стрелка сделала почти полный оборот, я всё же обернулась. Волна по-прежнему висела над кораблём, но теперь она совсем не двигалась. На носу стояли две мокрые фигурки — ментор серебристой лилии и её мейлори. Они обнимались и махали мне руками. На фоне водяной стены выглядело это жутковато. Вдруг я поняла, что корабль больше не качается, лишь слегка подпрыгивает на мелкой ряби. На палубу выбежали люди. Они указывали рукой на волну, и ужас на их лицах сменялся восхищением. Если время и остановилось, то точно не для пассажиров нашего судна.

— Давай помогу, — предложила подошедшая ко мне госпожа лин де Торн.

Я не сразу поняла, чем она собирается мне помочь, замороженная необъяснимым зрелищем. Только когда её холодные ладони

коснулись моей щеки, я вздрогнула от боли и инстинктивно отпрянула.

— Тише, — успокоила Дамна. — Сейчас пройдёт.

Руки её стали горячими, и по коже от них разлилось приятное тепло. Она шептала какие-то заклинания, упоминая богиню Девейну. Я расслабилась и разомлела, даже царапины перестали пощипывать.

— Ты спасла меня, Юна! — снова воскликнула радостная Сирена Эстель. Выглядела она неплохо, даже немного подпрыгивала, из чего я сделала вывод, что госпожа лин де Торн над ней уже поработала.

Волна же, к моему ещё большему изумлению, начала медленно раздваиваться. Её половинки отступали друг от друга в разные стороны, открывая перед кораблём настоящий водяной коридор. Я видела, как потоки бурлят в этих стенах, сдерживаемые невидимой мне силой. Ветер стих. С неба падали лишь капли дождя, и они казались сущей мелочью по сравнению с тем, что нам только что довелось пережить.

«Фаворит Вейна» медленно двинулся в образовавшийся проход, стены которого были похожи на водопады, текущие вверх. Они всё расступались и расступались, пока наконец мы не увидели, что ждёт нас впереди. Там, в окружении острых утёсов, сияла огнями пристань города Кроуниц.

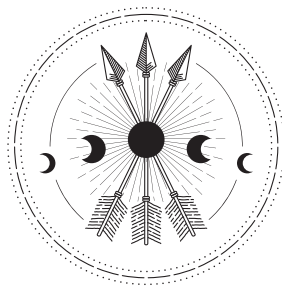
На самом краю пирса стояли трое.

Маленькая темноволосая женщина в ночной рубашке раскинула руки, как будто готовясь принять наше судно в свои объятия, и губы её беспрерывно шевелились. Справа от женщины взмахивал руками пожилой мужчина. Между пальцев обоих магов струились голубые световые потоки, то и дело растягиваясь длинными лучами над неожиданно спокойным морем.

Когда мы проплыли половину коридора, сияние на ладонях мужчины погасло, и он упал на бревенчатый пирс. С берега к нему побежали люди. На нас сразу же набросились резкие порывы ветра, громко захлопав рваными голубыми парусами. К счастью, большая часть пути уже была позади и недовольное море всё ещё пропускало нас, лишь изредка обдавая солёной водой.

Дальше всех на пирсе стоял самый крупный среди троих человек в тёмном дорожном плаще. Он не двигался.

— Маги стихий пятого порядка, — пояснила удивлённым пассажирам госпожа лин де Торн. — Мы спасены.

ГЛАВА 6

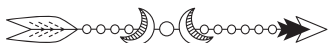
КАПРАНЬИ РОГА

Кроуниц встретил нас пасмурным небом. Дождь уже прекратился, но над побережьем всё ещё висели свинцовые тучи. Сквозь редкие рваные дыры в этой плотной завесе роняло на землю лучи холодное солнце. Прибой плевался, гневно шуршал накатывающими волнами. На гладких булыжниках побережья оставались следы волн: ленты водорослей облепили берег, словно голодные бурые пиявки. Корабли вокруг угрюмо поскрипывали, как будто недовольные новым соседом. Людей на пристани почти не было. Едва мы спустились на берег, к нам выдвинулась небольшая делегация, возглавляемая той самой женщиной, что недавно выкрикивала заклинания с пирса. Она шла тяжело, опираясь на плечо идущего впереди рудвика. Подол её ночной рубашки был испачкан в грязи. В складках шерстяного пледа, накинутого на плечи, я заметила прозрачную колбу на цепочке. Колба была наполовину заполнена водой и сдерживала крохотный вихрь, паривший внутри этого странного медальона. Выглядела женщина не лучше, чем мы. Со стороны её тоже можно было принять за пассажирку «Фаворита Вейна», пережившую шторм: волосы намокли и растрепались, под глазами залегли тёмные круги. Несмотря на это, держалась она с подчёркнутым достоинством настоящей королевы. За ней двигались дородный мужчина в грязном переднике и молодой парень, удивительно на него похожий.

— Хорошего фам утра, путешественники, — поприветствовала нас женщина. — Меня зофут Надалия Аддисад. Я ректор Кроуницкой Королевской академии.

При этих словах спустившаяся с трапа Сирена кинула на меня радостный взгляд. Хоть она и выглядела потрёпанной, но на её ще-

ках уже проступил румянец, а в глазах появилось довольное выражение. На плечи леди Эстель накинула короткую пушистую накидку, прямо поверх мокрого платья. Я нахмурилась, вспомнив, как едва не погибла из-за этой взбалмошной маленькой леди. Тем временем ректор продолжила:

— Сегодня в Кроунице случилось землетрясение. Это частое явление для наших мест. Магистр Десент сделал невозможное: сумел сдержать подземные толчки, чем уберёт город от разрушений. Уфы, перфых импульсов хватило, чтобы вызвать сильный шторм. Я сожалею, что вам пришлось пережить столько неприятностей из-за моей стихии. В свою очередь, мы с магистром Айро сделали всё, чтобы обеспечить вашу безопасность. Раненые или пострадавшие есть?

Заворожённые речью Надалии путешественники переглянулись. Я помнила, что происходило в каютах, как людей кидало от стенки к стенке. Должно быть, кому-то нужна была помощь целителей. Но в наших рядах царила растерянность, и никто не мог ответить. Народ стал перешёптываться, пытаясь выяснить состояние друг друга.

— Благодарим вас за спасение. — Вперёд выступила госпожа лин де Торн. — Я осмотрела пассажиров, у которых были жалобы. К счастью, серьёзно никто не пострадал, поэтому моих магических сил хватило на всех тех, кому требовалась помощь.

От обезумевшей Дамны лин де Торн, кидавшейся на меня с кулаками, не осталось и следа. На её месте снова была грациозная женщина, преисполненная самообладания. Я даже не заметила, как она кого-то осматривала на палубе, — так была заморожена зрелищем водного коридора и работы магов стихий. Ректор Аддисад внимательно выслушала Дамну, глядя ей в глаза. Потом опустила взгляд, мазнув по серебристой лилии на шее.

— Ментор, — заключила госпожа Аддисад. — Вы прифезли мне студентку?

— Ректор! — нашлась сама серебристая лилия, выбегая из-за спин других пассажиров. — Я — леди Сирена Эстель, буду учиться в вашей академии.

Девушка присела в хорошо поставленном реверансе, но в её потрёпанном наряде это смотрелось довольно нелепо. Сирену, в отличие от наставницы, Надалия начала рассматривать именно с её татуировки. Несколько минут она изучала девушку, потом коротко кивнула ей и вновь обратилась к остальным:

— Ещё есть будущие студенты Кроуницкой Королефской академии?

Мне не очень хотелось привлекать к себе внимание, но выбора у меня не осталось: необходимо было представиться.

— Юна Горст, — отозвалась я.

Изящного реверанса у меня всё равно бы не получилось, поэтому я просто подняла руку. Ректор кинула быстрый взгляд в мою сторону.

— Да-да, — подтвердила магистр Аддисад. — Фас мы тоже ждём, Юна Горст из Фаберлина.

— Из Фарелби, — тихо-тихо вставила я.

Меня услышали только пара ближайших матросов и один маленький рудвик. Поправлять ректора при знакомстве было неловко, даже если она допустила ошибку. Тем более что её внимание опять привлекла Сирена.

— Мы готовы приступить к обучению! — с присущим ей рвением выпалила девушка.

Магистр с сомнением оглядела её и усмехнулась:

— Прояфите сдержанность, мейлори. Порой это есть самая наивысшая благодетель.

Надалия Аддисад покровительственно опустила ладонь на плечо Сирены. Я заметила, как недобро прищурились глаза Дамны. Ректор академии тоже заметила это и, казалось, наслаждалась такой реакцией. Но потом взяла себя в руки и представила одного из своих спутников — крупного мужчину с тяжёлыми ладонями и сверкающей лысиной:

— Это Орм, владельцу таферны на пристани Кроуница. Называется «Козлиный фырост».

— Ээээ... «Капраний рог», магистр, — поправил Орм.

— Да, — невозмутимо подтвердила женщина. — Он готов предложить всем вам место у камина в сфоей таферне и горячую еду.

Орм закивал, скорее, соглашаясь со словами Надалии Аддисад, чем предлагая свои услуги. Я подумала, что этот жест доброй воли ему навязали.

— А это наш знаменитый рукофодитель отдела логистики, магистр Полилаунд Краузер.

Я с интересом уставилась на молодого человека рядом с Ормом. Он ковырялся в носу. Громкая должность ему явно не подходила.

Странно, что в таком молодом возрасте он уже стал магистром. Сирена тоже смотрела на него во все глаза.

— Гхм. — Рудвик, который поддерживал Надалию, выпятил вперёд свой живот, привлекая внимание. — Полилаунд Краузер рад быть представленным, лу-лу! Студенты обычно зовут меня Поллу, лу-лу. Когда вы согреетесь и перекусите, Поллу доставит вас прямо к дверям нашей академии!

Мы с Сиреной старательно закивали рудвику, как будто никого другого и не ожидали увидеть в качестве «руководителя отдела логистики». Голубая фуражка на его голове напомнила мне о Миллу, который управлял дилижансом в Фарелби. Уставшие, продрогшие и измученные пассажиры «Фаворита Вейна» двинулись вслед за Ормом по хлюпающей грязью прибрежной дороге.

— А это Дел, — указала на молодого человека Надалия. — Сын Орма. Он поможет магистру Полилаунду доставить ваш багаж в таферну сфоего рóдителя.

Путь до таверны оказался коротким. Едва мы взобрались на каменный холм, нависающий над морским берегом, как увидели невысокие крепкие каменные дома. У одного из них болталась на ветру металлическая вывеска в виде перевёрнутого козлиного рога с пенящимся напитком. Прямо под ней висела квадратная доска с прикреплёнными к ней пергаментами. Доска объявлений — в Фарелби такая была очень популярна. Там размещали указы главы городка, приглашения на праздники, искали подельников и работников. Первым, что бросилось в глаза, была перечёркнутая двумя красными линиями корона Иверийской династии на новой листовке. Краска была совсем свежей, а лист — сухим и неиспачканным.

«Орден Крона не сломлен. Мы победили в важной битве, но наша война продолжается. Вперёд, к свободе от королевского гнёта! Будь свободен — устанавливай правила!»

Рядом висел консульский пергамент с целыми тремя печатями: *«Южная шахта опечатана для учёта ресурсного запаса. Вход без допуска воспрещён!»*

Были тут объявления и от граждан Кроуница:

«Ежели кто видал, как упёрли мою фамильную кирку, тому за инхормацею дам лирн. Обращаться к Василею»

«Требуется заботливая и любящая няня для мальчиша трёх месяцев от роду. Нежная расположенность к детям обязательна! Ждём кандидатов на Хагридовой улице, третий дом от центра»

«Сим сообщаю, что я, Вик Даришиак, буду хранителем персонажира на дуэли доблестного господина Хромула лин де Бродзена и обидчика его, офицера квертиндской армии Трувица, помешавшего свадьбе его светлости. Желających засвидетельствовать факт отмищения ждём в восьмую ночь от Красной луны в перелеске подле пятого дома Дрисовой улицы»

— Юна! — шикнула на меня Сирена из дверей таверны. — Ты что там застряла?

— Иду. — Я двинулась вслед за подругой.

Внутри было на удивление тепло. Единственным каменным домом, в котором мне довелось побывать, была часовая мастерская Ганса Рилекса. В сырую погоду там всегда было зябко и промозгло. Камина не хватало на то, чтобы прогреть толстые камни, поэтому Гансу и Лониму приходилось одеваться теплее. Здесь же сами стены излучали тепло.

Возле большого горящего камина уже устроилась мама-рудвик с малышом и несколько людей. Хозяин таверны выносил из кухни заполненные едой тарелки, приглашая всех к обеду. Мы с Дамной и Сиреной сели на лавочки за массивный деревянный стол, на котором уже дымилось угощение. В глубоких тарелках лежали крупные куски мяса в ароматной подливе. Посередине стояла дощечка с круглым хлебом, порезанным на большие ломти, и глиняный кувшин с водой. Я осторожно подцепила пальцами аппетитный мясной кусок и положила его в рот, жмурясь от наслаждения. Слева от меня Дамна лин де Торн настойчиво ковыряла вилкой толстую рульку. Сирена устроилась напротив и с какой-то неистовой яростью жевала хлеб. Она так и не притронулась к горячей еде.

— Это отвратительно, — брезгливо сморщила носик девушка. — Как вы можете есть животных?

— А? — отозвалась я с набитым ртом. — Так больше ничего не подали же.

— Вот именно! — вскрикнула Сирена.

Несколько людей обернулись на её возглас.

— Вот именно, — чуть тише продолжила серебристая лилия. — Люди постоянно едят животных, как будто так и должно быть! Даже не задумываясь о том, что они губят чьи-то жизни.

— Ты, как всегда, преувеличиваешь, — вяло отозвалась Дамна.

— Вовсе нет! Надалия Аддисад наверняка обожает животных, если даже рудвику дала высокую должность!

Странно, что в жизненной иерархии Сирены рудвики стояли ниже животных. Я слышала, что знать и аристократы недолюбливали маленькую расу, считая их бесполезными, лишёнными магии существами. Но леди Этель недавно хвасталась прогрессивными взглядами своей семьи.

— Вы видели, как она повелевала океаном? — спросила девушка. — О Девейна! Я тоже хочу быть стихийным магом Вейна, как магистр Надалия!

Она раскинула руки и сдвинула брови, подражая ректору во время сотворения водяного коридора. Дамна лин де Торн зло стукнула вилкой. Брызги подливки разлетелись по столу. Глаза женщины полыхнули огнём. О её взрывном темпераменте я уже успела кое-что узнать и на всякий случай отодвинулась подальше.

— Тебе следует выбрать более удачный пример для подражания, — процедила сквозь зубы Дамна.

— А тебе стоит быть более сдержанной! Иногда это высшая благодетель.

Дамна с силой сжала столовый прибор. Костяшки её пальцев побелели. Мне подумалось, что только связь ментора удерживает её сейчас от того, чтобы заколоть свою мейлори вилкой. Их спор прервал Орм: он подошёл к нашему столику, держа в руках перевёрнутый рог, в котором пузырилась и стекала по стенкам зеленая пена.

— Польший шторм, — с гордостью произнёс он. — Прославленный напиток Кроуница. Пить непременно из капраньего рога! Угощение для прекрасной госпожи от хозяина таверны.

Вид пены действительно напомнил мне недавний шторм. Дамна лин де Торн замотала головой в знак отказа, но потом бросила взгляд на Сирену, взяла рог и в один миг осушила его. И тут же разразилась громким кашлем. Путники с любопытством обернулись к нашему столу, а работники таверны, включая Орма, зашлись хохотом. Сирена поднесла ментору свой стакан с водой.

— Что это за гадость? — с вызовом спросила девушка.

— Местная горькая настойка. Ни один кроуницкий праздник не обходится без неё, — пояснил Орм. — Сейчас отойдёт ваша леди. Ещё благодарить меня будет.

Я сомневалась, что Дамна лин де Торн способна на благодарность. Она уже пришла в себя и поднялась.

— Пойдёмте отсюда, — прохрипела женщина и, не слушая возражений, направилась к выходу. — Нам пора на дилижанс.

После тёплого и душного воздуха таверны набережная Кроуница окутала нас сырой прохладой. Серое низкое небо прятало от глаз скалистые вершины гор. Здесь было самое сердце Галиофских утёсов. Скалы окружали Кроуниц со всех сторон. Светло-серые каменные дома, похожие на таверну «Капраний рог», угрюмыми рядами облепили подножья гор. В отличие от зелёного Фарелби, растительность Кроуница выглядела весьма скудно: хвойные деревья, мох и редкие кустарники прижимались друг к другу на уступах и теснились в ущельях. Возле доски объявлений нас уже ждал Поллу. Я заметила, что листовка Ордена Крона пропала.

— Очень хорошо, лу-лу, — засуетился рудвик. — Быстрые леди. Можно начинать церемонию отправки студентов в Кроуницкую Королевскую академию.

— Где тут у вас вокзал? — Я решила блеснуть недавно приобретёнными знаниями логистики. — Когда мы выезжаем?

— Можно прямо сейчас, лу-лу. — Рудвик кивнул на другую сторону улицы.

Там стояло типичное серое здание с голубой вывеской транспортной компании. Фасадом ему служил невысокий заборчик, под которым лежало сено и стояли корыта с водой. Совсем не вокзал Нуотолиниса. Это было скорее...

— Стойло? — взвизгнула Сирена. — Мы что, поедем на лошадах, как воины или простые крестьяне?!

— Ни в коем случае! — убедил рудвик. — Никаких лошадей, лу-лу! Поллу не позволит! Только самые лучшие чистокровные кроуницкие капраны, лу-лу.

Дамна лин де Торн неожиданно расхохоталась. Мы недоумённо уставились на неё, но она смеялась всё громче. Из глаз женщины брызнули слёзы, она попыталась успокоиться, перевести дыхание, но каждый взгляд на рудвика и вывеску транспортной компании вызывал у неё новый приступ истеричного хохота.

— Магистр может ехать любым способом, лу-лу. — Поллу махнул куда-то в небо.

— Я ментор, — пояснила хихикающая Дамна.

— Ментор не подчиняется правилам академии, лу-лу, — пояснил Поллу. — Церемония только для студентов. На капранах.

— Я не оставляю Сирену одну! — отрезала госпожа Торн и первой направилась к стойлу.

Капраны оказались удивительными животными. На первый взгляд они чем-то напоминали оленей: вытянутая морда, длинные уши, широкая грудная клетка, длинные ноги. Только рога у них были прямые, толстые, растущие вдоль черепа и загибающиеся вверх своими заострёнными кончиками. Ездовые животные были хорошо экипированы: вдоль широких сёдел свисали фонари, сумки, фляги и верёвки. На груди у капранов красовалось по три ровных ряда неизвестных мне бронзовых монет. С каждым шагом монеты звенели, вызывая в ущелье причудливое эхо, гулким перезвоном отражавшееся от скал. Мы поднимались по узкой тропинке, и слева от нас была пропасть, заполненная густым туманом. Кое-где торчали верхушки сосен, позволявшие хотя бы примерно оценить высоту. С неба срывались мелкие снежинки, медленно тая на мокрой каменистой дороге под копытами капранов. Всего животных в нашей веренице было семь. Четыре — для всадников, включая Поллу, и ещё три — для многочисленной поклажи обладательниц серебрястых татуировок.

— Рудвик, — начала Сирена, — а отсюда никто не срывался в пропасть?

Мне показалось, она специально игнорирует имя руководителя отдела логистики, чтобы подчеркнуть своё превосходство.

— Никогда, лу-лу, — уверенно ответил Поллу. — Капраны очень ловкие животные! Они не падают со скал, лу-лу. Только иногда могут скинуть всадника, если тот дурно помышляет, лу-лу.

Сирена с подозрением покосилась на своего капрана. Трудности у неё возникли с самого начала. Леди Эстель визжала и сопротивлялась, отказываясь залезать в седло. А когда наконец решилась, капран решил от неё побегать, и ей пришлось догонять свой транспорт. Теперь же немного утаспий с начала пути ужас в глазах серебрястой лилии вернулся.

— Шиширы вас задерит с вашими козлами! — Она покрепче вцепилась в пологие рога.

Последней ехала Дамна, не прекращавшая хихикать с самой таверны. Теперь же её бурный смех, к нашему смущению и веселью Поллу, сменился пошлыми песенками. Подъём на гору не доставлял ей неприятных переживаний. Даже вечная обеспокоенность благополучием своей мейлори сейчас не проявлялась никак.

*Девейны прелестной потушила взор,
Но голос рассудка был глух:
Собралась девица принять тот позор,
Что вновь причинял ей пастух!*

Я оглянулась на Сирену, которая ехала сразу за мной. Она вжалась в седло и выглядела пристыженной и подавленной. Я решила отвлечь подругу беседой. А то вдруг капран и правда её скинет? Судя по лицу девушки, помышляла она весьма дурно.

— А что означает связка между именем и фамилией? Дамна лин де Торн, например.

Сирена недобро глянула в мою сторону, но ответила:

— Это означает, что перед тобой старший наследник семьи. Тот, кто владеет и распоряжается родовым имуществом. У нас фамильную приставку «лин де» носит только дед. Он ещё жив, хотя давно уже спятил. Рассказывает про какие-то сокровища с острова, которые положили начало состоянию нашей семьи. Этот старик ещё безумнее Дамны. — Леди Эстель скосила глаза в пропасть и прижалась к капрану. — Она, как ты понимаешь, единственная наследница. Семьи у неё нет. Наверное, поэтому она так ко мне привязалась. Хотя мама рассказывала, что менторство сильно изменило её. Раньше Дамна была более... свободолюбивой.

*Мелирская дева взошла на крыльцо,
Над Батором тёплым зарделася осень.
Споткнулась она, потеряла лицо:
Бидоны её утонули в навозе!*

Сирена побледнела. Непонятно, что действовало на неё хуже: капран, близость пропасти или пьяная Дамна лин де Торн. Но разговоры немного успокаивали, и я продолжила расспросы:

— А что за Орден Крона? Я видела объявление у таверны.

— Ты не можешь не знать! — воскликнула Сирена. — Они — проклятые богами предатели Квертинда! Это они убили иверийцев! От Лауны и Мирасполя остались только обгоревшие косточки.

Кажется, я попала в точку. Иверийская династия была любимой темой Сирены. Я, конечно, знала о её трагическом падении, но подробностями никогда не интересовалась.

— Чего они хотели от королей? — спросила я.

— Это проклятый Орден, Юна, — серьёзно заявила Сирена. — Они давно мечтали свергнуть власть, но все попытки были тщетными — до той самой Ночи Красной Луны... Говорят, убийц было трое. В балладах их называют Смердящий, Сорока и Сокрытый. Двоих Кирмос лин де Блайт убил прямо в королевской спальне. Одному удалось сбежать, но и его наместник полуострова Змеи настиг уже вместе с королевской армией и казнил. Их настоящие имена до сих пор хранятся в тайне.

— Почему? — не поняла я. — Если они все мертвы, может, стоит рассказать людям о тех, кто изменил историю королевства?

— Преторий давно обещал рассекретить эти сведения, но, видимо, у них имеются какие-то причины, — вздохнула Сирена. — Или есть дела поважнее. Или они — надутые индюки. Я не знаю, Юна, я не слишком хорошо знакома с этой бюрократией и политикой в целом. Мы обращались в консульство только один раз, когда нужно было получить разрешение на проведение ритуала принятия менторства. Ждали три месяца — при том, что сам ритуал занял три минуты.

— Я думала, кровавая магия — долгий, сложный и опасный процесс, — предположила я. Мне трудно было представить себе запрещённую магию, но именно так я о ней и думала.

— Так и есть, — подтвердила мои догадки Сирена. — Но этот процесс происходит с магической памятью и внешне никак не заметен. На деле Дамна просто смешала каплю своей крови с горькой настойкой, выпила и взяла меня за руку. Через секунду у нас уже появились лилии. Ну и она свалилась в глубокий обморок. Не то что сейчас...

Сирена обернулась на разомлевшую Дамну и многострадально выдохнула.

— Звучит не очень-то впечатляюще, — разочарованно заключила я. — На магию совсем не похоже. Получается, каждый может стать чьим-то ментором, нацедив своей крови в чарку хмеля.

— О, ну конечно, — съязвила Сирена. — Каждый, на ком лежит могущественное родовое заклятие и у кого достаточно денег, чтобы подкупить консулов на его активацию. Не считая того, что с большой вероятностью этот «каждый» сохнет в процессе. Его собственная магическая память иссушит его, не выдержав заклинания принятия менторства. Или присоединения кровавой склонности к уже существующей. Или... Толмунд знает, почему он их забирает.

Я оглянулась. Госпожа лин де Торн сидела в седле, с блаженной улыбкой поглаживая ребристые капрани рога, и выглядела совершенно довольной. Хотя наши с ней отношения немного не заладились, я была рада, что она выдержала ритуал и осталась жива. Выглянувшее солнце освещало её профиль, который наверняка уместно было бы назвать аристократическим. Длинный прямой нос, высокие скулы и крутой лоб отражали мягкие лучи, и кожа её лоснилась и поблёскивала. Ярче прочего сверкал знак соединения, переливаясь мелкими искрами. Сейчас Дамна молчала, прикрыв глаза и наслаждаясь своим состоянием. Нежная мелодия позвякивающих монет добавляла образу ментора серебристой лилии особого волшебства.

— А что с теми тремя — Вонючкой, Вороной и... кем там ещё? — Я попыталась вернуть разговор в интересное для меня русло. — Неужели они втроём, обладая огромными силами, не смогли справиться с одним-единственным магом?

— Кирмос лин де Блайт не просто маг. — Сирена выпрямилась, увлечённая своим рассказом. — Он в одиночку может убить целую армию. Видела Надалию Аддисад? Впечатляет, правда? Это магия водной стихии пятого порядка. самого высокого. Так вот, у Кирмоса лин де Блайта таких магий — шесть. Почти все, за исключением одной. Он подчиняет себе любую стихию, любую склонность.

— Почему же он тогда не смог защитить правителей? — резонно уточнила я.

— Говорю же, я не слишком сильна в политике. — Леди Эстель пожала плечами. — Да и не думаю, что кто-то более сведущий ответит на этот вопрос. Лучше бы спросить у него самого. Видишь ли, меня с детства больше занимало пение, чем история. Тем более что Дамна никогда не требовала от меня её изучения.

*— Понравился леди лихой жеребец,
Но он чёрным глазом пугает: слезай!
Был тот жеребец не наивный юнец,
А сам лин де Блайт, знаменитый эжарх!*

— Дамна, заткнись уже! — крикнула Сирена. — Хорошо, что здесь нет мужчин.

Полу, возглавляющий нашу процессию, при этих словах гневно засопел. Солнце вновь скрылось, и вокруг начал сгущаться туман. Мой капран размеренно пыхтел, своим «фыр-фыр» немного на-

